

II.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Инженерный Журнал №№ 1—6. (Первое полугодіе). — Сказаніе нейтральнаго очевидца о германо-французской войнѣ 1870 — 1871 годовъ. (Статья первая).
Geschichte des deutsch-französischen Krieges in den Jahren 1870 und 1871.

Инженерный Журнал № № 1 — 6. (Первое полугодіе).

Оборона германцами своихъ новыхъ границъ. — Камскій бронепрокатный заводъ. — Альпійскій тоннель. — Амстердамскій морской каналъ. — Переходъ черезъ водяной ровъ при осадѣ Страсбурга.

Читатели «Военнаго Сборника», по статьямъ въ немъ помѣщеннымъ въ разное время, достаточно знакомы съ замѣчательными случаями осады и обороны крѣпостей, имѣвшими мѣсто въ теченіе послѣдней германо-французской войны (*). Поэтому, оставляя въ сторонѣ статьи «Инженернаго Журнала», касающіяся этихъ предметовъ, мы обратимъ вниманіе читателей на статьи спеціальнаго содержанія и въ сжатомъ видѣ постараемся изложить наиболѣе интересныя изъ нихъ.

Однимъ изъ животрепещущихъ вопросовъ, интересующихъ теперь инженеровъ всѣхъ странъ, является *вопросъ объ оборонѣ германцами своихъ новыхъ западныхъ границъ*, особенно Эльзаса и Лотарингіи, съ которымъ мы познакоимъ читателей, пользуясь статьею, составленною по нѣмецкимъ источникамъ и напечатанною въ № 5 «Инженернаго журнала».

Приступая къ разъясненію этого вопроса, считаемъ нелишнимъ замѣтить, что вскорѣ послѣ австро-прусской войны политическіе газеты и журналы разныхъ оттѣнковъ систематически распространяли мнѣніе о необходимости освобожденія городовъ отъ крѣпостныхъ вер-

(* Въ «Военномъ Сборникѣ» были напечатаны: «Оборона Бельора» № 9, 1872; «Оборона Страсбурга» № 11, 1871 г.

ковъ. Вопреки наукѣ и опыту войны, они пытались произнести рѣшительный приговоръ надъ всеми вообще укрѣпленными городами, отнимая у нихъ всякое значеніе и высказывая мнѣніе, что въ настоящее время могутъ имѣть вѣсь только чисто-военныя крѣпости, расположенныя вдали отъ центровъ промышленности и торговли. Другая половина заграничной прессы отнеслась къ вопросу совершенно иначе. Нѣкоторые военные журналы («Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine» и друг.) полагаютъ, что, въ настоящее время, успѣхъ военныхъ операций зависитъ, какъ и прежде, отъ овладѣнія атакующимъ наиболее важными пунктами, имѣющими вліяніе на сообщенія, какъ то: узлами желѣзныхъ дорогъ, переправами, горными проходами и т. п. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ неприятель займется осадой крѣпкихъ пунктовъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ большихъ коммуникаціонныхъ артерій; гораздо чаще онъ будетъ отдѣлять для наблюденія за ними соответственные отряды и, обозначивъ себя такимъ образомъ, всю тяжесть своего удара направить на центры промышленности и торговли, къ которымъ сосредоточиваются искусственные и природныя сообщенія, служившія съ незапамятныхъ временъ путями мира, равно какъ и войны. Непосредственнымъ результатомъ этихъ соображеній является необходимость укрѣпленія такихъ пунктовъ.

По окончаніи послѣдней войны 1870—1871 годовъ, явилось еще другое, не менѣе оригинальное мнѣніе. Многіе военные люди неоднократно высказывали, что крѣпости, вообще, не въ состояніи оказывать продолжительнаго сопротивленія новой осадной артиллеріи, такъ какъ нѣкоторые французскія крѣпости сдавались послѣ двухдневнаго или трехдневнаго обстрѣливанія. Фактъ этотъ, конечно, не подлежитъ сомнѣнію; но выводъ изъ него ложенъ. Извѣстно, что всѣ быстро сдавшіяся крѣпости, какъ Страсбургъ, Шлеттштадтъ, Тюнхаль, Монмеди, Туль, Вердунъ и проч., ни по качеству верковъ и ихъ вооруженія, ни по энергіи и настойчивости гарнизона не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Блестящимъ исключеніемъ въ исторіи обороны французскихъ крѣпостей является Бельфоръ, который, при равныхъ прочихъ обстоятельствахъ и благодаря настойчивости коменданта, и только ей одной, надблалъ столько хлопотъ пруссакамъ. Обезпеченныя въ время войны сильными временными вервами, вынесенными за ограду, крѣпости Лангръ, Безансонъ и другія представили бы нѣмцамъ, безспорно, тѣ же, если не большія затрудненія, какъ Бельфоръ. Наконецъ, значеніе крѣпостей доказывается примѣрами Парижа и Меца, имѣвшихъ огромное вліяніе на весь ходъ военныхъ дѣйствій. Оба

города были покорены единственно голодомъ; если бы Мецъ продержался 3—4 недѣли долѣе, то обложеніе и осада южныхъ и западныхъ фронтовъ Парижа были бы положительно невозможны, а также и дѣйствія противъ дуарской арміи затруднились бы на столько, что германскія пошеволѣ должны были бы ограничиться обсерваціонными дѣйствіями.

Такия разсужденія достаточно усилиютъ общее значеніе крѣпостей и указываютъ ту точку зрѣнія, съ которой нѣмцы смотрятъ на оборону своихъ новыхъ границъ (*). Хотя рѣшеніе германскаго правительства, касательно этого вопроса, еще неизвѣстно, однако мы считаемъ лучшимъ познакомить читателей съ мнѣніями, распространенными въ нѣмецкой журналистикѣ, которая, въ свою очередь, служитъ отголоскомъ общественнаго сознанія. Мнѣнія эти сводятся къ слѣдующему: а) вмѣсто малыхъ городовъ-крѣпостей, гораздо цѣлесообразнѣе строить на соответственныхъ мѣстахъ заграждающіе форты, чисто военнаго значенія, съ слабымъ гарнизономъ, способные къ отраженію печальнаго нападенія и могущіе противустоять бомбардированію; б) сильныя крѣпости располагать только на такихъ пунктахъ, которые, благодаря своему стратегическому положенію, неминуемо примутъ участіе въ большихъ операціяхъ. Большия крѣпости полезно подраздѣлять на: 1) обширныя крѣпости-лагери (Grosse Depot- und Manoevrir-Plätze), и 2) укрѣпленные лагеря (Verschanzte Lager). Крѣпости-лагери (редюнты пограничной обороны) должны, по возможности, находиться въ срединѣ предполагаемаго театра войны, на пунктахъ самыхъ благопріятныхъ, но не слишкомъ близкихъ границъ. Они должны имѣть всѣ приспособленія и заведенія, необходимыя для вооруженія цѣлыхъ армій. Укрѣпленные лагеря предназначаются для цѣлыхъ армій, но, лишь по мѣрѣ потребности, занимаютъ большими массами войскъ; во избѣжаніе раздробленія силъ, они должны быть обороняемы самымъ ограниченнымъ гарнизономъ противъ нападенія открытою силою. Эти лагеря слѣдуетъ также, конечно, располагать на важныхъ стратегическихъ пунктахъ, но только ближе къ границамъ. Къ этой категоріи, на западной границѣ Германіи, могутъ быть отнесены: Мецъ, Страсбургъ, Кобленцъ, Кельнъ, Мюльгаузенъ, Майнцъ и другіе.

Относительно примѣненія вышесказанныхъ принциповъ къ теперешнему положенію Германіи, нѣмцы должны основательно взвѣсить слѣдующее: какія изъ вновь приобретенныхъ крѣпостей слѣдуетъ удерживать или расширить, гдѣ устроить новыя крѣпостныя пункты и какія

(*) «Militär-Wochenblatt» и «Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine». Т. I. XXXVII. Стр. II.

малыя крѣпости уничтожить. Впрочемъ, мысль объ упраздненіи малыхъ крѣпостей должна быть пона оставлена, потому что, при враждебномъ настроеніи населенія, которое еще долго можетъ сохраниться, онѣ могутъ принести немаловажную пользу.

Указавъ основныя пачала укрѣпленія границъ, нѣмецкая печать входитъ въ подробности и совѣтуетъ устроить цѣлую систему крѣпостей, обращенныхъ къ Франціи, между которыми, кромѣ Меца и Страсбурга, указываютъ еще на Тіонвиль, на Богезскіе проходы, на крѣпости Ней-Бризакъ, Шлетштадтъ, и на устройство новаго обширнаго укрѣпленнаго лагеря у Мюльгаузена. Приводимъ нѣкоторыя подробности этихъ проектовъ.

1) *Мецъ*. Все убѣждены въ томъ, что Мецъ имѣетъ весьма важное значеніе въ системѣ обороны германскихъ окраинъ, на случай новой войны съ Франціею. Важность этой крѣпости вскорѣ еще увеличится открытіемъ мецъ-вердѣнской желѣзной дороги, благодаря которой сообщеніе съ Парижемъ сократится на 9 миль (на три перехода). Французы считаютъ теперь Мецъ крѣпостью въ высшей степени опасною для Парижа, и, по всей вѣроятности, не успокоятся до тѣхъ поръ, пока снова не овладѣютъ ею. Съ открытіемъ пути по правому берегу Мозели, чрезъ Тіонвиль, прямо на Кельнъ и Кобленцъ, значеніе этого пункта удвоится. Къ этому надо прибавить, что необходимо-выгодное положеніе Меца даетъ возможность устроить въ его окрестностяхъ первый плацдармъ въ свѣтъ. Германцы, тотчасъ по завоснаніи крѣпости, энергически приступили къ работамъ, частью продолжая постройку верховъ, проектированныхъ маршаломъ Ніелемъ, частью возводи новыя. Не входя въ подробности проектовъ всѣхъ укрѣпленій, мы обратимъ вниманіе на южную часть обороны, гдѣ крѣпость болѣе всего пуждается въ обезпеченіи, такъ какъ французы, по всей вѣроятности, изберутъ для атаки южныя фронты, и вотъ на нихъ основанія: во-первыхъ, здѣсь атакующій располагаетъ потребными сообщеніями съ Франціею (желѣзная дорога Туль-Панен-Мецъ и другія), безъ которыхъ осада этой крѣпости, требующая громадныхъ вспомогательныхъ средствъ, была бы невозможна; во-вторыхъ, при дѣйствіяхъ съ этой стороны, флангъ атаки обезпеченъ и грунтъ способствуетъ веденію подступовъ. Кроме того, въ югу отъ Меца, въ разстояніи девяти верстъ, находится высокая гора Сентъ-Блезъ, въ высшей степени удобная для атакующаго, на которой, въ послѣднюю войну, была возведена нѣмецкая батарея. Сосѣдство этой горы препятствуетъ выдвинуть новыя укрѣпленія, на сколько

нужно впередъ, а потому занятіе ея сильнымъ самостоятельнымъ флотомъ считается безусловно необходимымъ.

Съ западной стороны, оборона Меца усиливается весьма выгодною для обороняющагося плоскою возвышенностію Сентъ-Кантенъ (2,000 шаговъ длины, 1,000 шаговъ ширины), командующею всю долину Мозеля, равно какъ и цѣною высотой, тянущихся къ западу и югу отъ Меца. Пока плато это будетъ находиться въ рукахъ обороняющагося, то даже и послѣ паденія Меца непріятель не будетъ имѣть возможности пользоваться желѣзными дорогами и мостами. Французы вполнѣ цѣнили значеніе этой высоты и намѣрены были устроить на ней обширную цитадель, но, въ виду значительныхъ затратъ, отложили эту постройку; что же касается до германцевъ то они, по всей вѣроятности, не станутъ медлить выполненіемъ этого проекта, тѣмъ болѣе, что у нихъ недостатка въ деньгахъ не чувствуется.

Такимъ образомъ, атакующій, принимая въ соображеніе трудности постепенной атаки съ запада, т. е. на Сентъ-Кантенъ, долженъ будетъ обратиться къ югу и на высотахъ Розерель и Жюсси устроить батареи изъ орудій самаго большого калибра, съ тѣмъ, чтобы парализовать вспомогательное дѣйствіе Сентъ-Кантена на южный осажденный фронтъ и ослабить въ то же время цитадель Меца на столько, чтобы послѣ паденія города, она не могла нанести существеннаго вреда. Матеріальная часть для устройства такой батареи можетъ быть подвезена французами по желѣзной дорогѣ Мецъ-Вердѣнъ, причемъ, кстати замѣтить, что Вердѣнъ, по очищеніи его германскими войсками, тотчасъ и непремѣнно будетъ обращенъ французами въ перво-классный плацдармъ, снабженный всеми необходимыми военными запасами.

Принявъ во вниманіе всѣ эти соображенія, германцы должны исполнить слѣдующее: во-первыхъ, плоскую возвышенность Сентъ-Кантена вооружить большимъ числомъ тяжелыхъ орудій, изъ коихъ 10—12 должны быть помѣщены въ желѣзныхъ вращающихся башняхъ, выдерживающихъ дѣйствіе парныхъ 72-фунтовыхъ пушекъ, на разстояніи 2,500—3,000 шаговъ, и, во-вторыхъ, горъ Сентъ-Блезъ дать самостоятельную, со всѣхъ сторонъ обезпеченную, оборону, съ верками, вмѣщающими въ себя 1,200 человекъ гарнизона, и съ вооруженіемъ въ 60—72 орудія, изъ которыхъ 7—8 должны быть также помѣщены во вращающихся башняхъ. При такихъ условіяхъ, линія обложенія потребуетъ 200,000-й арміи, между тѣмъ какъ для обороны крѣпости достаточно будетъ 35,000 человекъ.

При защитѣ Меца безусловно необходимо также, чтобы комендантъ, не обращая вниманія ни на что, заблаговременно высылалъ бы всѣхъ политически-неблагонадежныхъ людей изъ города, равно какъ и жителей, не обезпечившихъ себя продовольствіемъ на девять мѣсяцевъ. Въ этомъ случаѣ пѣмцы принимаютъ уроки войны: перейдя въ августъ 1870 года французскую границу, они во всѣхъ общинахъ читали объявленіе за подписью мецкаго коменданта, по которому всѣмъ жителямъ предлагалось искать убѣжища въ крѣпости, лишь съ требованіемъ, чтобы каждый прибывающій былъ снабженъ продовольствіемъ на сорокъ дней. Если бы, напротивъ, генераль Кофиньеръ удалилъ изъ крѣпости всѣхъ лишнихъ потребителей, конфисковалъ всѣ жизненные припасы, находившіеся въ окрестностяхъ Меца въ большихъ массахъ, то крѣпость эта могла бы держаться еще цѣлые мѣсяцы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исходъ войны могъ бы принять совершенно иной оборотъ. Въ видахъ обезпеченія, на всякій случай, продовольствія столь обширной крѣпости какъ Мецъ, было бы весьма целесообразно въ мирное время имѣть въ полной готовности значительные запасы хлѣба, овса, жиру, мясного экстракта и проч. Эти запасы было бы весьма легко освѣжать, продовольствуя ими войска, постоянно квартирующія въ Лотарингіи, и подвозя на мѣсто израсходованныхъ новые припасы. Германцы не должны ни на минуту забывать, говоритъ авторъ одной изъ указанныхъ статей, что имъ еще въ продолженіе многихъ лѣтъ придется держаться въ Эльзасѣ и Лотарингіи на военномъ положеніи, и что западные сосѣди ихъ несомненно будутъ думать о мщеніи и успокоятся лишь тогда, когда побѣдятъ или, что вѣроятнѣе, слова, но еще сильнѣе, будутъ разбиты.

Тюонвилъ (Диденгофенъ). Относительно этой крѣпости, лежащей въ недалекомъ разстояніи (30—35 верстъ) отъ Меца, Луксембурга и Лонгви, неоднократно высказывалось мнѣніе, что, вслѣдствіе соедѣненья съ Меномъ, она совершенно утрачиваетъ свое значеніе, и потому можетъ быть упразднена. Напротивъ, другіе основательно полагаютъ, что, съ окончаніемъ строящихся и проектированныхъ путей, Тюонвилъ сдѣлается узломъ шести стратегическихъ линій, изъ которыхъ самая важная, французская арденская дорога, неминуемо должна быть замкнута крѣпостью, способною выдержать трехмѣсячную осаду. Вообще, пѣмцы полагаютъ, что для обороны германскихъ границъ выгоднѣе было бы отнять у непріятеля возможность пользоваться желѣзными путями, ведущими изъ Франціи въ Эльзасъ и Лотарингію, по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Необходимость такой мѣры осно-

вывается на томъ, что запасы провіанта на полумиліонную армію со 150,000 лошадей, а также боевые припасы и осадный орудіи рѣшительно не могутъ быть подвезены иначе, какъ по желѣзнымъ дорогамъ, особенно весной. Если бы во время франко-германской войны Туль выдержалъ нѣсколько долѣе, то ни бомбардированіе Парижа ни продовольствованіе арміи подъ его стѣнами были бы невозможны. Тюонвилъ не только заграждаетъ арденскую дорогу, но въ то же время охраняетъ важныя пути въ Кельнъ, Кобленцъ, а также въ Саарбрюкенъ, Майнцъ и Мангеймъ. Во время осады Меца, Тюонвилъ можетъ оказать ему живое содѣйствіе и, въ случаѣ неудачныхъ дѣйствій противника, поставить его между двухъ огней. Принимая во вниманіе главное назначеніе крѣпости — заграждать желѣзные пути и обезпечивать переправу черезъ Мозель — пѣмцы предлагаютъ, на первое время, ограничиться постройкою въ Тюонвилѣ двухъ сильныхъ фортовъ на 1000 человекъ пѣхоты и на 50 орудіи каждый. Одинъ фортъ слѣдовало бы возвести на возвышенности Гантраанжъ (Guentrange) въ разстояніи 4000 шаговъ отъ города, другое на высотѣ Иланжъ. Предлагается также шесть орудіи большого калибра помѣстить въ вращающихся броневыхъ башняхъ.

Вогезскіе проходы и ихъ прикрытіе. Вогезскія горы образуютъ природную оборонительную линію германцевъ противъ Франціи, однако на столько перерѣзанную проходами, что охраненіе и оборона ея становится весьма затруднительными. Кромѣ большихъ, сходящихся въ Бельфорѣ дорогъ, которыя остались въ рукахъ французомъ, особенно замѣчательныя пути, сходящіеся въ Сенъ-Морисъ, близъ истоковъ Мозели, и ведущіе въ Бельфоръ и Мюльгаузенъ; далѣе, дороги отъ Эпизвали въ Кольмаръ, дороги въ Шлетштадтъ, въ Страсбургъ и, наконецъ, пути, концентрирующіеся въ Ифальбургѣ и ведущіе черезъ Савернъ въ нижній Эльзасъ.

Было бы весьма полезно, чтобы во всѣхъ этихъ проходахъ были построены форты, способные оказывать надлежащее сопротивленіе хотя полевымъ орудіямъ. Мнѣніе о необходимости такого загражденія оправданное опытомъ последней войны, уже принимается въ нѣкоторыхъ государствахъ: въ Италіи уже разработаны вопросы о загражденіи всѣхъ альпійскихъ проходовъ, посредствомъ фортовъ и броневыхъ вращающихся башенъ; Австрія также на всѣхъ своихъ границахъ прикрываетъ горныя проходы.

Страсбургъ, бывший прежде одною изъ главныхъ и сильнѣйшихъ крѣпостей Европы, въ ближайшемъ будущемъ, безъ сомнѣнія снова станетъ такою же и возвратитъ свое прежнее значеніе. Постав-

потери вогезской линіи, Страсбургъ, вмѣстѣ съ укрѣпленнымъ лагеремъ на югѣ Эльзаса, будетъ защищать совершенно открытый югъ Германіи, по теченію Рейна, между Базелемъ и Лаутербургомъ. Нынешнія крѣпости Раштадтъ и Гермергеймъ одинаково не представляютъ высшаго стратегическаго значенія, да врядъ-ли могутъ оказать продолжительное сопротивленіе безъ далеко-выдвинутыхъ впередъ фортовъ, что потребуетъ громадныхъ затратъ. Вслѣдствіе этого, вопросъ о перестройкѣ Страсбурга пріобрѣтаетъ огромное значеніе. При этомъ, въ видахъ политическихъ, необходимо употребить всѣ мѣры для развитія этого города. Съ окончаніемъ проектированнаго канала въ Мангеймъ, Страсбургъ, по всей вѣроятности, въ торговомъ отношеніи будетъ играть на сѣверѣ Германіи такую же роль, какую Кельнъ играетъ на сѣверо-западѣ этой страны.

Городскую ограду предлагается значительно упростить и, выдвинувъ до самаго Рейна, замѣнить ея цитадель. Мнѣніе специалистовъ повѣйшей школы, что главный бой ведется не съ городскихъ валовъ, но съ далеко выдвинутыхъ впередъ укрѣпленій, все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ значенія, и, оправданное опытомъ войны, поведетъ къ «соглашенію военныхъ интересовъ съ потребностями народнаго хозяйства». Городъ, обнесенный обширными самостоятельными, союзнными укрѣпленіями, не только будетъ совершенно защищенъ отъ бомбардированія, но и представитъ обширный укрѣпленный лагерь, въ которомъ можетъ найти себѣ убѣжище разбитая или собирающаяся армія.

Общій итогъ силъ, необходимыхъ для успешной обороны Страсбурга противъ 150,000-й неприятельской арміи, высчитывается въ 30,000 человекъ (включая специальную войска) и въ 700 орудій.

Укрѣпленный лагерь при Мюльгаузенѣ. Къ Мюльгаузену сходятся важнѣйшія французскія желѣзно-дорожныя линіи изъ Парижа, Лиона и т. д. и направляются отсюда по кратчайшему направлению въ южную Германію; кромѣ того, переправа черезъ Рейнъ у Мюльгаузена должна быть предпочтена всѣмъ другимъ пунктамъ (Шей-Брицакъ, Рейнвиллеръ, Гюнцингенъ) и представляеть лучшія гарантіи для обороны страны. На этомъ основаніи, предлагается устроить у этого пункта, на самыя ограниченныя средства, укрѣпленный лагерь, который, при вполнѣ достаточномъ помѣщеніи для двухъ армейскихъ корпусовъ, въ то же время былъ бы въ состояніи удерживать превосходнаго неприятеля самымъ незначительнымъ гарнизономъ.

Военная исторія указываетъ на множество примѣровъ лагерей

временнаго начертанія, оказавшихъ большое вліяніе на ходъ кампаній. Таковы были лагеря, устроенныя австрійцами подъ Браковомъ и Флорисдорфомъ, турками при Калафатѣ, датчанами при Дюпелѣ. Наполеонъ I и Везингтонъ (Дрезденъ, Торесъ-Ведрасть) также нередко прибѣгали къ подобнымъ сооруженіямъ. Въ послѣднюю войну, французы, упустивъ изъ виду постройку обширнаго лагеря у Шалона на Марнѣ, подготовили себѣ седанскую катастрофу. Но до сихъ поръ всегда считалось положительно необходимымъ опираться укрѣпленный лагерь на существенно-важный укрѣпленный пунктъ. Основаніемъ тому служили прежнія условія, когда главная оборона крѣпости лежала на центральной оградѣ, которая, въ большей части случаевъ, уже съ самаго начала осады, могла принимать дѣятельное участіе въ бою. Между тѣмъ, въ наше время ограда принимаетъ участіе только въ послѣдній періодъ обороны, действуя какъ бы во второй линіи, а войска обязаны стремиться рѣшать бой совершенно внѣ черты города, не подвергая опасности его населеніе и не будучи свидѣтелями бѣдственной осады, всегда тяжело дѣйствующихъ на солдатъ, какъ на человека. Такимъ образомъ, теперь является возможность обойтись безъ центрального пункта, постройкой отдѣльных совершенно самостоятельныхъ крѣпкихъ фортовъ, снабженныхъ каждый специальнымъ запасомъ продовольствія, примѣрно мѣсна на три. Лагерь изъ бариковъ или палатокъ, расположенный за центромъ отдѣльныхъ фортовъ и прикрытый вернами несложной постройки, соединенными между собою ровниками для стрѣлковъ и усиленный мѣстными преградами, долженъ быть занять резервомъ, готовымъ каждую минуту идти на выручку фортовъ. Если полкъ фортовъ, во время постепенной атаки, будетъ гдѣ-либо прорванъ, то палаточный лагерь долженъ быть перенесенъ въ другое безопасное мѣсто. Между тѣмъ, позади взятыхъ фортовъ слѣдуетъ строить новыя линіи и, при помощи уцѣлѣвшихъ, продолжать оборону до послѣдней крайности.

На основаніи этихъ началъ, предлагается устроить при Мюльгаузенѣ большой укрѣпленный лагерь, устранить совершенно многолюдный городъ (50,000 жителей), съ его фабриками и заводами, изъ крѣпостнаго района. Для обороны лагеря предлагаютъ устроить девять укрѣпленій (пять большихъ и четыре меньшихъ), на разстояніи 4,000 шаговъ одно отъ другаго. Сила гарнизоновъ укрѣпленнаго лагеря высчитывается примѣрно въ 12,500 человекъ, при 424 орудіяхъ, изъ которыхъ тридцать рекомендуется помѣстить во вращающихся башняхъ. Стоимость постройки опредѣляется въ 7,000,000 талеровъ.

Въ заключеніе, припятъ въ соображеніе, что, въ случаѣ большой континентальной войны, не всегда можно рассчитывать на нейтралитетъ Бельгіи и Люксембурга, нѣмцы прибавляютъ нѣсколько, какъ они выражаются, «скромныхъ» желаній относительно обороны западныхъ границъ Германіи:

1) По окончаніи нрижско-гамбургской дороги, соприкасающаяся съ нею крѣпость Везель получить важное стратегическое значеніе. Вълѣдствіе этого ее необходимо прикрыть на лѣвомъ берегу Рейна нѣсколькими вынесенными далеко впередъ фортами, способствующими дебушированию войскъ большими массами.

2) Крѣпости Кельнъ и Майнцъ ни въ какомъ отношеніи не соответствуютъ современнымъ требованіямъ военнаго искусства, а потому требуютъ немедленной перестройки и расширенія.

3) Въмѣсто неудобно-лежащихъ, въ стратегическомъ отношеніи, крѣпостей Раштадта и Гермерсгейма, которыя въ случаѣ перестройки поглотятъ миліоны и все-таки будутъ обойдены, слѣдуетъ возвести у Мангейма укрѣпленный лагерь, по образцу мюльгаузенаго.

4) Пока Люксембургъ не находится въ рукахъ нѣмцевъ, тылъ германской оборонительной линіи, Тюнвилъ-Мецъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ весьма прочный, всегда будетъ въ опасности. Поэтому прайна необходимо расположить у Трира, и именно въблизи Кдша, укрѣпленный лагерь въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся пять желѣзныхъ дорогъ. Тогда, конечно, крѣпость Саарлуи можетъ быть упразднена.

Камскій бронепрокатный желѣзный заводъ (*). Горнозаводское дѣло въ Россіи до настоящаго времени, какъ извѣстно, не могло соперничать съ другими государствами Европы; но, со времени движенія впередъ артилеріи, инженернаго искусства и желѣзнаго судостроенія, съ введеніемъ желѣзныхъ построекъ и желѣзныхъ амбразурныхъ щитовъ, въ Россіи открылось не только много частныхъ заводовъ, но и заводовъ казенныхъ съ спеціальнымъ назначеніемъ.

Немного дѣтъ тому назадъ, желѣзныя части для названыхъ выше построекъ, болышею частію, заказывались въ Англіи, стоили правительству значительныхъ суммъ, много хлопотъ и денегъ за доставку и сборку ихъ на мѣстѣ и ставили насъ въ зависимость отъ иностранцевъ, тогда какъ въ нашемъ Уральскомъ хребтѣ находится свое желѣзо лучшихъ качествъ.

Между новыми казенными заводами замѣчательны: сталепушеч-

(*). См. № 5 «Инженернаго Журнала».

ный пермскій заводъ, уже и теперь извѣстный по своему искусству и производительности, и бронепрокатный камскій заводъ, исполнившій уже много заказовъ для морского вѣдомства и нынѣ получившій заказъ отъ инженернаго управленія на сумму до 820,000 рублей. Последній заказъ былъ сдѣланъ камскому заводу на основаніи проведенныхъ опытовъ, показавшихъ, что издѣлія этого завода, не сколько не уступаая англійскимъ, обходятся гораздо дешевле послѣднихъ.

Камскій заводъ, построенный въ 1862 году по проекту горнаго инженера П. И. Меллера, подъ управленіемъ котораго онъ находится и теперь, расположенъ въ Оханскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, на возвышенномъ берегу рѣки Камы, въ 700 верстахъ отъ ея устья. Въ половодіе уровень Камы достигаетъ до 32 футовъ выше межевой (низкой) воды. Заводъ состоитъ изъ фабрики, гдѣ производится выдѣлка и прокатка желѣза, изъ механической мастерской, литейной кузницы и другихъ вспомогательныхъ заведеній. На фабрикѣ, для выдѣлки желѣза, построено двѣнадцать нудлинговыхъ и десять сварочныхъ печей, три паровыхъ молота (самый тяжелый въ 500 пудовъ) и станки для прокатки брони и сортового желѣза. Въ механическомъ зданіи помещается до 35 отличныхъ механическихъ станковъ, выписанныхъ съ лучшихъ европейскихъ заводовъ и приводимыхъ въ движеніе шестидесяти-сильною паровою машиною. Работа производится днемъ и ночью, лѣтомъ и зимою, иногда даже при тридцати-градусномъ морозѣ; тогда мастеровые привѣшиваютъ на веревкахъ коробки съ горячими угольями, чтобы имѣть возможность отогрѣвать окончившій руки.

Въ настоящее время, при развивающейся дѣятельности завода, предполагается завѣннить временныя постройки каменными и желѣзными, для чего составлены уже проекты. Рабочихъ, при полномъ дѣйствіи завода, до 1,000 человекъ. Около завода, по берегу рѣки, по обѣ стороны, расположено до сотни маленькихъ домиковъ, служащихъ помещеніемъ для рабочихъ. Мастеровые, болышею частію, приходятъ за пятнадцать верстъ, изъ воткинскаго завода и окружныхъ деревень, и каждую субботу возвращаются домой; въ продолженіе же недѣли проживаютъ или на квартирахъ, нанятыхъ у камскихъ жителей, или въ общей казармѣ. Несмотря на нероскошную обстановку, заводъ можетъ производить до 200 тысячъ желѣзныхъ издѣлій, изъ которыхъ болѣе всего обращаютъ на себя вниманія громадныя дванадцати-дюймовыя плиты, составляющія украшеніе выставокъ.

Камскій заводъ исполняетъ въ настоящее время большой заказъ

для инженернаго вѣдомства. Заказъ этотъ состоитъ въ приготовленіи броневыхъ плитъ для вращающихся башенъ, на одной изъ крошадскихъ бѣтарей. Между прочими условіями заказа, заводъ обязанъ приготовить предварительно одну броневую, двѣнадцати-дюймовую плиту и испытать ее въ присутствіи агентовъ отъ артилерійскаго и инженернаго вѣдомствъ, сравнительно съ англійскою плитою завода Cammelle.

Приводимъ интересный разсказъ о приготовленіи и испытаніи такой плиты, вѣсящей 700 пудовъ. Понятно, что такую массу жельза нельзя обработать сразу, а слѣдуетъ сваривать плиту изъ толкихъ желѣзныхъ досокъ, и чѣмъ тоньше будутъ доски, чѣмъ равномернѣе будетъ дѣйствовать огонь на всю массу, тѣмъ сварка будетъ усилннѣе и плита будетъ представлять однородную массу.

Для сварки двѣнадцати-дюймовой плиты устраивается такъ-называемый *макетъ* изъ двадцати двухъ рядовъ желѣзныхъ досокъ, плотно уложенныхъ и пересыпанныхъ плавильнымъ шлатомъ. Такой макетъ, толщиной въ 24 дюйма (плита доводится до 12 дюймовъ прокаткою), устанавливается въ печь на подставки изъ огнеупорнаго кирпича, такъ что огонь дѣйствуетъ на массу жельза равномерно со всѣхъ сторонъ, и подвергается нагреванію въ теченіи 18—22 часовъ. Признакомъ, что плита готова, служитъ то, что въ пламени совѣсьмъ нельзя замѣтить очертаній плиты. Когда жельзо совершенно проварено, причѣмъ жаръ доходитъ до 2,000°, то на плиту накладываютъ желѣзную хомутъ и, посредствомъ крючьевъ и пѣней, съ помощью машинъ, вытаскиваютъ изъ печи огненную массу и укладываютъ прямо на вальки, которые, постепенно нажимая ее, доводятъ до требуемой толщины. Первый нажимъ дѣлается наибольшій, до 1½ дюйма, послѣдніе дѣлаются въ ¼ дюйма. При прокаткѣ, въ первые разы, жельзо издаетъ трескъ и выбрасываетъ искры при вылетѣ газовъ; жаръ отъ плиты необыкновенный; рабочіе адрѣваются въ толстыхъ сукошныя куртки, намоченныя водою, которыя, несмотря на то, безпрестанно загораются; однако присутствіе рабочихъ при плитѣ необходимо для направленія ее ашшугатии. При началѣ прокатки, изъ плиты обильно вытекаетъ шлакъ. Во время операций, на поверхность плиты бросаютъ можжевеловыя вѣтви для очистки поверхности.

Сравнительные опыты, произведенные надъ каменною и англійскою плитами, показали превосходство первой. Желающіе могутъ найти въ статьѣ подробныя данныя, полученныя изъ этихъ опытовъ. Масса оказалась внозитъ компактною, безъ малѣйшей несварки и въ изломѣ представляла мелкую, ровную сынь; даже снаряды при стрѣльбѣ изъ

орудій углублялись въ нее менѣе чѣмъ въ англійскую плиту. Жельзная полоса въ 1½ дюйма толщиной, вырванная изъ нея, выдержала въ холодномъ состояніи погибѣ до 180°, тогда какъ англійская, не дойдя до 90°, дала трещину и разрыть.

Альпійскій тоннель (*) и Амстердамскій морской канал (**)

Въ указанныхъ въ выносѣ номерахъ «Инженернаго Журнала» помѣщено описаніе двухъ громадныхъ работъ, совершенныхъ на европейскомъ континентѣ, весьма разнородныхъ по своему существу и исполненію, но равно поучительныхъ по прилженію въ нихъ послѣднихъ выводовъ науки. При проектируемомъ у насъ тоннелѣ черезъ Кавказскій хребтъ и въ виду устройства нашихъ южныхъ гаваней, опытъ европейскихъ инженеровъ, участившійся познмъ усѣбхомъ на морѣ и на сушѣ, не долженъ остаться для насъ безслѣднымъ.

Читателей, желающихъ познакомиться съ техническими подробностями постройки альпійскаго тоннеля, мы отсылаемъ къ самой статьѣ, составленной г. Петерсеномъ по англійскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ источникамъ; здѣсь же ограничимся сообщеніемъ историческаго хода этой титанической работы, указывающей, что въ наше время, при настойчивости предпринимателей, иѣтъ проекта, иѣтъ сооруженія, которые могли бы назваться слишкомъ смѣлыми.

Сооруженія по альпійскому тоннелю, помимо своего общаго интереса, должны имѣть большой вѣсъ въ глазахъ военнаго человека, а въ особенности военнаго инженера, такъ какъ порохъ игралъ здѣсь немаловажную роль, а вентиляція отдаленныхъ галерей производилась съ помощью новаго дѣятеля — сжатого воздуха, дѣятеля не только освѣтлвшаго галерей, но, главнымъ образомъ, прорывшаго альпійскій хребтъ.

Въ 1832 году, говоритъ авторъ статьи, горный землепѣръ Юсифъ Медаль первый указалъ на исходныя точки предполагаемаго тоннеля: Модану съ французской стороны и Бардоненъ со стороны Италіи, и опредѣлить наименьшую толщину кряжа въ 12½ километровъ. Идея альпійскаго тоннеля составляла мечту всей жизни этого человека. Въ проектѣ, представленномъ имъ королю Карлу-Альберту, онъ предлагалъ прорыть Альпы въ томъ мѣстѣ, гдѣ это сдѣлано теперь; но его проектъ, одобренный сардинскимъ правительствомъ, не былъ приведенъ въ исполненіе по настоянію Франціи, опасавшейся этого пути, идущаго во фрлангъ желѣзному пути Парижъ-Марсель, на основаніи

(*) См. № 2 «Инженернаго Журнала».

(**) См. № 4 «Инженернаго Журнала».

стратегическихъ соображеній. Между тѣмъ, одного указанія на наименьшую толщину крижа было недостаточно. Тоннель, проходящій на 1,000 футовъ въ глубинѣ горъ, недопускающій никакихъ боковыхъ галерей и колодцевъ, требовалъ новыхъ способовъ вентиляціи и новыхъ силъ для пробитія толщи. Исторія тоннеля, съ точки зрѣнія науки, можетъ быть раздѣлена на четыре эпохи. Въ теченіе первой эпохи (1844—1850 г.) инженеръ Мосъ (Mous) производитъ первыя изысканія альпійской желѣзной дороги и изобрѣтаетъ свою машину для пробиванія скалы. Кромѣ того, для уменьшенія длины тоннеля, Мосъ предложилъ подняться уклономъ на нѣкоторую высоту, и надѣялся довести тоннель, такимъ образомъ, до 10 километровъ длины. Машина для пробиванія, предложенная имъ, состояла изъ ряда сверлъ, приводимыхъ въ движеніе безконечнымъ металлическимъ канатомъ, къ которому предполагалось приложить силу водяныхъ колесъ, устроенныхъ по обѣимъ сторонамъ тоннеля. Основательныя возраженія, сдѣланныя Мосу, а также событія 1848 года, заставили отложить его предложеніе къ длинный ящикъ. Второй періодъ въ исторіи тоннеля составляетъ идея примѣненія сжатого воздуха, принадлежащая жедевскому профессору Коладону, который, безъ конкурентовъ, до 1856 года занимался соответственными опытами по указанію швейцарскаго правительства. Но въ этомъ году явились конкуренты въ лицѣ трехъ итальянскихъ инженеровъ: Соммелле, Грандисе и Гратони, энергически принялись за дѣло и начали третій періодъ дѣятельности по пробитію Альпювъ. Въ 1853 году они потребовали привилегію на изобрѣтенный ими нагнетатель воздуха съ помощью столбовъ воды; въ 1854 году они берутъ концессію для примѣненія этой системы для подъема поѣздовъ по уклонамъ Анепиновъ, а съ 1856 года отпрываютъ послѣдній періодъ работъ по прорытію тоннеля и являются единственными хозяевами предпріятія. Явившись послѣдними, они, вѣдствие степенія обстоятельствъ, становятся первыми. Воспитанники туринскаго университета, дѣти страны, поддерживаемые официально Кавуромъ, Менабреа и другими, съ богатымъ запасомъ знаній и личнаго опыта, они наследовали, или, вѣрнѣе, заимствовали у Медала его изысканія о мѣтѣ, удобномъ для тоннеля, у Моса его мысль о сокращеніи пути, у Коладона—его идею движенія сжатого воздуха, его систему очищенія пробитыхъ отверстій отъ пыли и способъ охлаждать разгоряченныя орудія работы; наконецъ, у англичанина Барлета—его пробивающую машину, и изъ всѣхъ этихъ элементовъ создали удивительную машину, восторжествовавшую надъ толщиною Альпювъ!

Стоимость топлива приблизительно высчитываютъ въ 56 миліоновъ франковъ».

Другое громадное сооруженіе, приходящее нынѣ къ окончанію, есть *амстердамскій морской каналъ*. Городъ Амстердамъ, вторая столица Голландіи, лежащій на южномъ берегу залива Эй, соединяющагося съ Зюйдерзее и съ Сѣвернымъ моремъ, началъ терять свое торговое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ песчаные осадки и наносы въ Зюйдерзее, а также образованіе бара въ заливѣ Нампусъ стали затруднять подходъ къ нему глубоководящихъ судовъ. Такимъ образомъ, искусственное сообщеніе съ Сѣвернымъ моремъ стало необходимымъ и въ этомъ смыслѣ дѣлались попытки еще съ начала нынѣшняго столѣтія; такъ, устроенъ былъ сѣверо-голландскій каналъ, который, впрочемъ, какъ по извилистому направленію, такъ и по размѣрамъ скоро оказался недостаточнымъ для амстердамскаго порта, куда ежегодно прибываетъ до полутора миліоновъ тоннъ груза. Въ 1852 году, въ первый разъ появился проектъ прямого соединенія залива Эй съ Сѣвернымъ моремъ, съ прорытіемъ перешейка, отдѣляющаго его отъ моря. Но прошло тринадцать лѣтъ, пока приступлено было къ дѣйствительному осуществленію этой идеи, или, какъ выразился одинъ изъ главныхъ дѣятелей по постройкѣ канала, «когда заступь замѣнилъ перо»: до 1865 года дѣло шло въ трактованіи и писаніи. Не менѣе двѣнадцати комисій послѣдовательно обсуждали вопросъ, дополняя его своими соображеніями и исправляя замѣченныя погрѣшности. Дѣйствительно, задача была не легкая; дѣло состояло не только въ томъ, чтобы провести каналъ, но и въ сохраненіи интересовъ жителей и общинъ, населявшихъ берега залива Эй. Страна, нарѣзанная по всѣмъ направленіямъ каналами, служившими въ одно и то же время путями сообщенія и источникомъ орошенія, требовала, чтобы, съ проведеніемъ морскаго канала, уровень воды въ остальныхъ каналахъ, съ ними соединенныхъ, оставался на прежней высотѣ, такъ какъ страна равно страдала при возвышеніи и при пониженіи воды: въ первомъ случаѣ отъ избытка воды затоплялись бы окрестности, во второмъ—ей недостатокъ затруднить бы орошеніе полей и сообщеніе въ странѣ. Потраченное на разсмотрѣніе проектовъ время не прошло даромъ, какъ въ отношеніи различныхъ введенныхъ въ нихъ улучшеній, такъ и потому, что въ теченіе его общественное мнѣніе успѣло вполнѣ убѣдиться въ необходимости сооруженія. Еще въ 1860 году палата депутатовъ оставила безъ послѣдствій предложеніе министерства принять проведеніе канала на средства правительства, а въ 1863 году уже образовалась

частная компанія (Генри Ли съ сыномъ и В^о), встрѣтившая большое сочувствіе не только въ Амстердамѣ, но даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя до того особенно отличались своею оппозиціею относительно проведенія канала. Предполагаемый и въ настоящее время почти оконченный каналъ пройдетъ по заливу Эй, огражденный двумя молами, далѣе черезъ перешеекъ къ берегу Сѣвернаго моря, гдѣ будетъ устроена искусственная гавань. Всѣ работы медленныя, тяжелыя, подверженныя различнымъ вліяніямъ, въ высшей степени замѣчательны въ инженерномъ отношеніи, какъ по точности и сложности расчета, такъ и по введенію въ дѣло послѣднихъ усовершенствованій.

Отъ главнаго морского канала отдѣляются нѣсколько вѣтвей или боковыхъ каналовъ, огражденных съ обѣихъ сторонъ плотинами; все пространство между этими каналами и берегами залива, составляющее 4,575 десятинъ, будетъ осушено и впоследствии воздѣлано. При дороговизнѣ земель въ Голландіи, кампанія продажей этихъ земель рассчитываетъ покрыть значительную часть своихъ издержекъ. Вся длина морского канала, отъ гавани Сѣвернаго моря до Амстердама, будетъ около 25 виллометровъ или верстъ; на проходъ его потребуется не болѣе трехъ часовъ времени. Общая стоимость постройки — 4,500,000 рублей. При обѣихъ указанныхъ статьяхъ приложены многочисленные чертежи, изображающіе общій ходъ работъ и производство деталей.

Описаніе перехода черезъ водяной ровъ при осадѣ Страсбурга (*). Переходъ черезъ водяной ровъ, какъ извѣстно, дѣло всегда трудное и опасное, а потому подробности, касающіяся приемовъ и способа исполненія этой операціи, примененныя при осадѣ Страсбурга прусскимъ капитаномъ Андреа, на долю котораго выпало это трудное дѣло, будутъ интересны для нашихъ читателей.

Для объясненія дѣла необходимо войти въ нѣкоторыя подробности. Пруссакамъ довелось переходить черезъ водяной ровъ люнета № 52, представлявшій слѣдующія особенности: контръ-эскарпъ и эскарпъ не имѣли одеждъ; горизонтъ воды во рву былъ отъ одного до двухъ футовъ ниже поверхности прикрытаго пути; ширина водяной поверхности равнялась 182 футамъ, при глубинѣ отъ 5 до 8 футовъ; во рву былъ устроенъ коветъ шириною 50 футовъ, глубиною отъ 15 до 20 футовъ; теченіе было едва замѣтно. Ровъ фланкировался съ контргарда и съ бастиона, но самый люнетъ не оборо-

(*) Инженерный Журналъ, № 6.

вался правильно французами, хотя и посѣщался по временамъ ихъ патрулями. Последнее обстоятельство, безъ всякаго сомнѣнія, много способствовало успѣху предпріятія.

Надо замѣтить, что въ инженерномъ партѣ вовсе не было мате ріаловъ, годныхъ для постройки моста, такъ что приходилось довольствоваться такими, которые могли быть найдены подъ рукою и захвачены посредствомъ реквизиціи. Но счастію для прусаковъ, въ сосѣдствѣ Страсбурга было нѣсколько пивоваренъ, дававшихъ возможность располагать значительнымъ числомъ большихъ бочекъ, и потому рѣшено было устроить мостъ на бочкахъ. Для этого бочки были тщательно разсортированы и связаны въ плоты, по двѣ бочки въ каждомъ; приготовлены были переводины и настилка, и, по окончаніи всѣхъ предварительныхъ работъ, крѣпостная пионерная рота (1-го корпуса) капитана Андреа была укрѣпляема въ наводкѣ моста на рѣкѣ Иль. Для лучшей подготовки предполагали укрѣпить роту ночью, но такъ какъ къ переходу черезъ ровъ приказано было приступитъ нѣсколькими днями раньше противъ предполагаемаго, то люди успѣли навести мостъ только два раза, и то днемъ.

Мѣсто для перехода черезъ ровъ было выбрано непосредственно у траверза, вблизи исходнаго угла прикрытаго пути, гдѣ и устроены были бандирированный спускъ въ ровъ. Ночью, 19-го сентября, въстѣ съ окончаніемъ этихъ работъ, капитанъ Андреа опредѣлилъ гаубицу рва съ помощью двухъ человекъ, посланныхъ впасть. На слѣдующую ночь всѣ матеріалы для моста были перевезены къ первой паралели на пятидесяти обязательскихъ подводахъ, причемъ происшедшій шумъ привлекъ вниманіе штурмента, который открылъ огонь и причинилъ нѣкоторое замѣшательство и потери среди лошадей и людей мостового обоза. Днемъ, 21-го сентября, матеріалы были перенесены пѣхотнымъ рабочимъ отрядомъ на рукахъ отъ первой паралели до ложемента на гребнѣ гласиса и сложены въ систематическомъ порядкѣ. Ночью, 21-го сентября, переходъ черезъ ровъ былъ выполненъ ротою капитана Андреа, съ помощію двухъ офицеровъ, обратившихъ преимущественное вниманіе на предупрежденіе столкновенія и безпорядка на спускѣ (спускъ всего 8 футовъ ширины) и на мосту. Только 30 пионеровъ были въ дѣйствительности употреблены при постройкѣ моста; остальные находились въ резервѣ.

Устроивъ прикрытіе для головы моста изъ туровъ и продвинувъ его на сколько можно было далѣе въ воду, приступили къ наводкѣ, въ восемь часовъ вечера, для чего прежде всего потребовалось протопуть канатъ поперекъ рва, что и выполнилъ одинъ пионеръ; переплывъ

сначала съ тонкой бичевкой, перетянувъ потомъ канатъ, закрѣпилъ его на берѣ. Устаповка рамъ и закрѣженіе бочекъ производились поочередно, по возможности малымъ числомъ людей, работавшихъ по груды въ водѣ и съ соблюденіемъ полнѣйшей тишины; пастырку люди напладывали согнувшись или даже лежа; по мосту ходили босикомъ. Въ десять часовъ, т. е. черезъ два часа послѣ начала работы, капитанъ Андреа уже донесъ, что переходъ черезъ ровъ готовъ. Ночь была темная. Осмотръ люнета былъ тотчасъ же произведенъ отрядомъ минеровъ (съ цѣлью отыскать непріятельскія мины), а въ 10 часовъ 30 минутъ рота пѣхоты и рота пионеровъ были двинуты для занятія люнета и для устройства въ немъ ложемента. Капитанъ Андреа успѣлъ въ то же время прикрыть мостъ со стороны непріятеля во всей длинѣ. Прикрытіе это однако не могло противустоять дѣйствию идеръ, такъ какъ оно было сдѣлано изъ простыхъ досчатыхъ щитовъ, укрѣпленныхъ на рамахъ моста.

Несмотря на сильный ружейный, картечный и навѣсный огонь непріятеля (не съ люнета, а съ другихъ верховъ), въ ротѣ капитана Андреа, строившей мостъ, не было вовсе убитыхъ и только одинъ человекъ былъ раненъ; причиной тому была, безъ сомнѣнія, чрезвычайная осторожность и стараніе производить какъ можно меньше шума. Ружейный огонь французовъ направленъ былъ сланкомъ высоко и проходилъ надъ мостомъ. Что огонь производился весьма дѣятельно, можно судить по тому факту, что прусскій инженеръ-майоръ Книшцовъ и 34 человека пионеровъ и пѣхоты были убиты во время перехода черезъ ровъ, при овладѣніи люнетомъ и при устройствѣ ложемента. Днемъ французы открывали такой огонь по мосту, что щиты были разрушены и пришлось строить другой мостъ, съ устройствомъ прикрытія изъ туровъ, а съ люнетомъ сообщеніе пока поддерживалось посредствомъ паромъ. Работы по устройству новаго моста и по возведенію прочнаго для него прикрытія было въ полномъ ходу, когда утромъ, 27-го сентября, Страсбургъ сдался на капитуляцію.

СКАЗАНИЕ НЕЙТРАЛЬНАГО ОЧЕВИДЦА

О германо-французской войнѣ 1870—1871 годовъ.

(Статья первая).

Geschichte des deutsch-französischen Krieges in den Jahren 1870 und 1871. Nach eigener Beobach-

tung und nach den besten Quellen bearbeitet von Carl Abani. Leipzig, Wien, Teschen, 1871.

Библиографическая лѣтопись «Военнаго Сборника» имѣла до сихъ поръ дѣло почти исключительно съ такими историческими сочиненіями, касающимися послѣдней войны, которыя написаны представителями обѣихъ праждававшихся сторонъ, и только въ июльской книжкѣ за текущій годъ отчетъ о «Военныхъ Очеркахъ Безпристрастнаго» могъ познакомить читателей со взглядомъ на войну 1870—1871 г. нейтральнаго очевидца — взглядомъ самостоятельнымъ, во многомъ отличнымъ отъ сужденій заинтересованныхъ въ дѣлѣ повѣствователей. Но въ своихъ «Очеркахъ» авторъ едва пришедшая навѣсу; онъ довольствовался иногда намеками, многое предоставлялъ догадкамъ читателя, потому что писалъ съ самаго театра войны, подъ живымъ впечатлѣніемъ совершавшихся на его глазахъ событій, и притомъ для фельетона военной газеты.

Не такова его «Исторія германо-французской войны», съ которою мы намѣрены познакомить читателей, какъ съ явленіемъ, далеко выдающимся изъ дашнаго ряда литературныхъ продуктовъ этой войны.

Мы уже говорили, что подъ псевдонимомъ Карла Абани пишетъ офицеръ австрійскаго генеральнаго штаба Банкалари, что онъ былъ, во время военныхъ дѣйствій, корреспондентомъ газеты «Katholik», и, въ качествѣ нейтральнаго, находясь при французской арміи, имѣлъ возможность близко изучить тогдашнія дѣла, людей и страну. Опираясь на свои наблюденія, Абани рѣшился заняться полнымъ описаніемъ войны. Книга его, отличившаяся, помимо своихъ внутреннихъ достоинствъ, блестящимъ, подчасъ глубоко продуманнымъ и прочувствованнымъ изложеніемъ, приобрѣла многочисленныхъ почитателей. Даже прусскіе военные органы не могли, правда скрѣпя сердце, не отдать справедливости добросовѣтному труду австрійскаго офицера, хотя и не преминули замѣтить, что, при всемъ стремленіи своемъ быть безпристрастнымъ въ обоямъ противникамъ, Абани не могъ будто бы скрыть своей неприязни къ Пруссіи. Это несправедливо. Прусскіе критики выводятъ свои заключенія изъ неодиопротно высказаннаго авторомъ мнѣнія, что побѣдные успѣхи нѣмцевъ были не столько продуктомъ гениальнаго веденія войны, сколько результатомъ ошибокъ французскія и численнаго перевѣса ихъ противниковъ. Безъ сомнѣнія съ этого нѣмной точки зрѣнія, такое мнѣніе могло показаться дерзостію; Абани, безъ сомнѣнія, имѣлъ полное право не смотрѣть на дѣла сквозь нѣмецкіе очки. При всемъ томъ,

читатели увидят, что все преступление Абани состоитъ въ томъ, что, отдавая полную справедливость пруссакамъ, онъ позволяетъ себѣ быть прайдивымъ и къ французамъ.

Библиографическая этюдовая «Военнаго Сборника» не беретса защищать безусловно *всѣхъ* мнѣній австрійскаго офицера, но далеко не раздѣляетъ и взгляда прусскихъ военныхъ органовъ: она сама стоитъ на нейтральной почвѣ, исполнила свое прямое назначеніе — быть лишь отголоскомъ того, что говорится въ болѣе или менѣе замѣчательныхъ литературныхъ произведеніяхъ.

Военно-историческія сочиненія, написанныя очевидцами событій, имѣютъ на своей сторонѣ, безспорно, многія важныя преимущества предъ тѣми компиляциями, которыя пишутся съ чужого голоса; но собственныхъ наблюдений еще недостаточно для того, чтобы быть историкомъ: безъ прирожденныхъ качествъ, безъ обширныхъ и многостороннихъ знаній, безъ умѣнья пользоваться критически посторонними источниками, личныя наблюденія останутся мертвымъ матеріаломъ. Кто внимательно прочитаетъ книгу Абани, тотъ убѣдится, что онъ стоитъ на высотѣ высшихъ требованій отъ историка. Принятый имъ строго-объективный методъ сразу внушаетъ довѣріе въ его разсказу. Онъ часто употребилъ въ дѣло общеродовыя, до выхода въ свѣтъ его книги, нѣмецкія официальные извѣстія, и только тамъ, гдѣ въ извѣстіяхъ встрѣчались пробѣлы и гдѣ авторъ руководствовался газетными статьями, выразилъ неточности, не вредящія, впрочемъ, достоинству цѣлаго, такъ какъ онѣ касаются не существенныхъ подробностей. Да есть-ли въ мірѣ хотя одно историческое изслѣдованіе, могущее претендовать на абсолютную точность?... Прусское описаніе, напримѣръ, войны 1866 года, составленное не единичною личностію, а цѣлымъ военно-ученымъ ведомствомъ, развѣ неогрѣшило въ нѣкоторыхъ частностяхъ?... Увлеченный въ нѣкоторыя неточности отсутствіемъ нѣмецкихъ достовѣрныхъ источниковъ, авторъ, съ другой стороны, имѣлъ возможность, во время пребыванія своего въ главной французской квартирѣ, и вообще во Франціи, собрать массу такихъ фактовъ, относительно которыхъ оставались въ неизвѣстности даже прусскіе военачальники.

Послушаемъ что говоритъ Абани въ предисловіи (*):

«Поводомъ къ написанію этой книги послужило, главнымъ образомъ, изслѣдованіе, что борьба 1870 года обсуждалась обѣими враждовавшими сторонами не съ чувствомъ спокойнаго убѣжденія, а съ брагичною занавчивостію. Какъ гражданинъ нейтральнаго

(*) Оно писано въ ноябрѣ 1870 года.

государства, и сохранилъ способность и даже право смотрѣть одинаково безпристрастно на обѣ воевавшія націи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не одобрять ихъ, коль скоро онѣ, отуманенныя смертоносною распріею, посягали на собственное или на чужое человеческое достоинство. Какъ солдатъ, привыкнувъ сражаться безпрекословно и уважать противника, и могу, не нарушая справедливости, и хвалить, и, имѣя предъ глазами лишь дѣло, стремиться къ раскрытію истины.... Я былъ постороннимъ свидѣтелемъ наибольшей и важнѣйшей части событій, и полагаю, что вынесенныя мною наблюденія, относительно настроенія умовъ и хода дѣлъ, поставила меня въ возможность узнать сущность того, что въ своихъ неслѣдственныхъ казалось необъяснимымъ отдаленному зрителю.... Съ самаго начала до конца моихъ наблюдений я ощущалъ радость и гордость при видѣ проявившейся мощи великой, соединенной части нѣмецкой націи, но не менѣе скорбѣлъ и о томъ, что обстоятельства сдѣлали этотъ народъ ожесточеннымъ противникомъ другого народа, который, не по своей винѣ, могъ развить свою силу и свои доблести уже тогда, когда исчезла всякая надежда на благоприятный исходъ».

Авторъ говоритъ еще о трудностяхъ, ожидавшихъ его при изложеніи «Исторіи войны во Франціи», потому что съ французской стороны до сихъ поръ не разъяснены вполнѣ ни военныя дѣйствія, ни численный составъ войскъ, ни даже важнѣйшія событія. Причина та, что разнузданныя войною страсти долго еще, повидимому, не допустили до хладнокровнаго изслѣдованія и описанія, доказательствомъ чему служатъ появившіяся сочиненія: они скорѣе брошюры и памфлеты, чѣмъ труды строго-историческіе. Если же, не смотря на то, Абани рѣшился сказать свое слово о кровавой распрѣ между двумя цивилизованными націями Запада, то единственно съ цѣлю «изслѣдовать истину и факты, внести свою посильную долю для означенія съ величайшею и важнѣйшею войною новыхъ времени, особенно въ виду господствующаго направленія мнѣній, вызваннаго ослѣпляющими усиліями нѣмецкаго оружія».

Кромѣ желанія внести во взглядъ на новѣйшія событія возможную объективность и дать вѣрный масштабъ для оцѣнки ихъ, авторъ имѣлъ передъ глазами цѣль второстепенную, но тѣмъ не менѣе важную.

«Ничто такъ не поучительно для государствъ и для армій, какъ чужія побѣды. Даже послѣдствія тѣхъ войнъ, которыя касались насъ самихъ, не представляютъ болѣе убѣдительныхъ и болѣе наглядныхъ уроковъ. Если мы одержали верхъ, то намъ грозитъ непомерное о себѣ мнѣніе и вычлывость; если же мы разбиты, то подвергаемся

опасности утратить довѣріе въ самихъ себѣ и намъ угрожаетъ посползновеніе усилить себѣ, очертя голову, и чуждый бытъ, и чуждую форму, съ припесненіемъ въ жертву дорогихъ національныхъ особенностей. Изучать, напротивъ, войны другихъ мы можемъ съ большимъ хладнокровіемъ; результаты ихъ представляютъ намъ чистое, неподкупное зеркало нашихъ собственныхъ достоинствъ и недостатковъ: они поощряютъ насъ въ соревнованію тамъ, гдѣ мы чувствуемъ себя слабыми; предостерегаютъ, когда мы видимъ себя на ложномъ пути, и успокоиваютъ, когда мы сознаемъ на своей сторонѣ преимущества.... Но если мы будемъ глухи и слѣпы къ многозначительнымъ урокамъ, не стоившимъ намъ, покажется, капли крови, то мы, конечно, стоимъ быть наказанными тѣмъ, кто умѣе и дальновиднѣе насъ, и въ такомъ случаѣ, теряемъ права на существованіе».

Наконецъ, въ числѣ задачъ, съ разрѣшенію которыхъ стремился авторъ, упоминается и вопросъ о французской арміи, постигнутой вслѣдствіемъ, безпримѣрными бѣдствіями. Онъ считаетъ долгомъ безпристрастнаго наблюдателя изслѣдовать столь загадочное, на первый взглядъ, явленіе, именно рѣшить вопросъ: какъ могло случиться, что ту армію, въ которой храбрость и честь были искони прирожденными качествами, прѣтвникъ позволилъ себѣ завлечь обвиненіемъ даже въ трусости....

Книга Абани имѣетъ два самостоятельныхъ отдѣла: первый, озаглавленный «Въ лагерѣ французовъ», вмѣщаетъ въ себѣ исторію войны до взятія Страсбурга; второй, «Народная война во Франціи», продолжаетъ нить событій до заключенія мира.

Въ нашемъ очеркѣ мы будемъ держаться порядка, принятаго авторомъ, и обратимъ преимущественное вниманіе на тѣ факты, которые освѣщены «нейтральнымъ очевидцемъ» иначе, нежели историками нѣмецкими и французскими.

I.

Кто внимательно слѣдилъ за газетными извѣстіями въ моментъ разрыва между Пруссіей и Франціей, тотъ помнитъ, что, съ одной стороны, виновникомъ предстоявшей грозной войны называли французскаго императора, съ другой — вѣрнѣшаго руководителя политики Пруссіи. На дѣлѣ же истинныя причины войны таились въ самой исторіи послѣднихъ годовъ, а зародыши распри, вѣстивныя гораздо раньше, и отдаленныя поводы къ столкновенію между французами и нѣмцами оправдываются иногда всѣмъ ходомъ исторіи обѣихъ націй.

Что до поводовъ ближайшихъ, то ихъ надобно искать въ австро-прусской войнѣ 1866 года.

Окончивъ эту войну, Пруссія еще не чувствовала себя готовою къ борьбѣ съ Франціей; но, зная свои средства и свои силы, усердно воспользовалась четырьмя годами мира для развитія и упроченія своего могущества. Известно, какъ, въ продолженіе этого времени, дальновидному, смѣлому и искусному правителю судебъ Пруссіи удалось создать и закрѣпить такъ называемое, въ вѣдливости, «объединеніе» Германіи, то есть говорить просе, достигнуть «сдѣланныхъ» сѣверныхъ и южныхъ германскихъ государствъ главенству гогенцоллерновъ. Все германскія государства, благодаря ловкости Бисмарка, превратились въ простыя провинціи прусскаго королевства, а державные владѣтели ихъ въ вассаловъ прусскаго короля, или, еще точнѣе, въ его начетниковъ съ ограниченнымъ полномочіемъ. Надобно, впрочемъ, сознаться, что, относительно южно-германскихъ государствъ, такая задача была трудна, очень трудна, потому что монархи этихъ государствъ готовы были вѣрно постоять за сохраненіе своихъ личныхъ правъ и своей державной власти; но мастеръ своего дѣла и тутъ совершилъ образцовый маневръ: онъ пустилъ въ ходъ національно-звучающій предлогъ, указавъ на необходимость, въ менѣе или болѣе отдаленномъ будущемъ, борьбы съ народамъ, который, по преданію, былъ «общимъ» врагомъ нѣмцевъ.

Этотъ врагъ былъ Франція.

И здѣсь планамъ Бисмарка обстоятельства помогли какъ нельзя лучше. Французскимъ народомъ управлялъ государь, руководившійся, въ теченіе двадцати-лѣтней власти, исключительно политикою эгоистическихъ цѣлей и личныхъ интересовъ. Наполеонъ III сорвался послѣдовательно почти со всеми государствами Европы, навлекъ на себя общее презрѣніе двуличностію и фальшивостію своихъ поступковъ, и въ послѣдніе годы своего царствованія, отчасти по старости, отчасти вслѣдствіе пренитствій, всегда встрѣчаемыхъ недобросовѣстностію, ослаблялъ въ своей дѣятельности и въ своей хитрости. Между тѣмъ, нѣмецкая журналистика, состоявшая на жалованьѣ Пруссіи или только державшая ея сторону, принялась поднимать па смѣхъ Францію и ея влестелина, и такимъ путемъ, нѣсколько лѣтъ сряду, поддерживала и разрабатывала то настроеніе, которое было необходимо, чтобы выставить войну съ Франціей предпріятіемъ національнымъ. Южно-германскія государства попали въ приготовленныя имъ сѣти: они отдали себя въ распоряженіе Пруссіи.

Авторъ видитъ въ судьбѣ, ожидавшей Наполеона III, актъ историческаго правосудія.

«Это была первая война, предпринятая властителемъ Франціи не ради личныхъ интересовъ — первая война, навязанная ему, хотя и не прямо, его противникомъ. Если въ крымскую войну, равно и въ италянскую кампанію противъ Австріи, онъ служилъ только личнымъ интересамъ, чтобы упрочить свою династію и отметить Россіи и Австріи за отказъ признать его императоромъ; если злополучная мексиканская экспедиція была попыткою отуманить готовый къ возстанію французскій народъ новыми успѣхами и видами на усиленіе могущества и вліянія Франціи, основанными на ошибочномъ расчетѣ паденія Сѣверо-американскаго Союза, то войну противъ Германіи можно признать попыткою поднять упадающее политическое значеніе Франціи, исторгнуть ее изъ того опаснаго положенія, въ которое поставило ее усилившееся въ центрѣ Европы государство, если даже не говорить о невыгодномъ очертаніи французской восточной границы и о различныхъ униженіяхъ, испытанныхъ Франціей въ послѣдніе годы... Правосудіе возмездіе заключается еще въ томъ обстоятельстве, что человекъ, двадцать лѣтъ возводившій Европу лукавыми выходками и коварною политикой, наткнулся наконецъ на мастера, который превосходилъ его не однимъ лукавствомъ, не одною хитростью, но также энергіей и умомъ; что Луи-Наполеонъ былъ низвергнуть тѣмъ самымъ противникомъ, которому, по своей оплошности, позволилъ усилиться, и что отъ него отшатнулся тѣ союзники которыхъ онъ ослабилъ и унижилъ своими собственными предпріятіями».

Первымъ симптомомъ прусско-французскаго столкновенія была, какъ извѣстно, луксембургскій вопросъ; но минута разрыва еще не наступила: Пруссія еще не кончила тогда своей новой организаціи; преобразование французской арміи только что началось, и вотъ почему обѣ державы приняли постороннее посредничество, подчинились лондонской конференціи, которая повела къ трактату 11-го мая 1867 года.

Рѣшеніе конференціи было, во всѣхъ отношеніяхъ, справедливо (*) во именіе по этой причинѣ оно и раздражило обѣ спорившія стороны. Національная гордость французовъ была затронута вынужден-

(*) Напоминать условія этого договора: Луксембургъ былъ подчиненъ верховной власти короля Нидерландовъ, какъ неважнаго герцога Луксембургскаго, и объявленъ нейтральнымъ; Франція было отказано въ уступкѣ этой страны, а Пруссія въ правѣ имѣть гарнизонъ въ луксембургской крѣпости; королю же голландскому поставлено въ обязанность срыть укрѣпленія города Луксемберга и не возобновлять ихъ.

ною уступчивостію, а Пруссія лишилась позиціи, которая въ войнѣ съ Франціей доставила бы ей чрезвычайно важныя стратегическія преимущества. Нейтрализація Луксембурга хотя и увеличила безопасность германской границы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, затруднила нападеніе на границу французскую, уменьшала доступныя пространства ей и тѣмъ мѣшала планамъ Пруссіи.

Война была неизбежна. Это убѣжденіе лежало тяжелымъ бременемъ на обѣихъ государствахъ; торговля и сношенія, особенно Пруссіи, много пострадали съ тѣхъ поръ. Да и въ дѣйствіяхъ всѣхъ другихъ державъ обнаруживались недовѣріе, сдержанность, недоумѣніе; все побуждало къ скорѣйшему рѣшенію катявшагося положенія.

«Несправедливо, слѣдовательно, если одна сторона называетъ другую непосредственно виновницею войны. Говорить такъ заставлялъ расчетъ: надобно было повліять на массы».

Вслѣдъ за очеркомъ политическихъ отношеній между Франціей и Германіей, авторъ обращается къ разсмотрѣнію вооруженныхъ силъ обѣихъ государствъ. Онъ начинаетъ съ французской арміи.

Успѣхъ обширныхъ работъ по новой организаціи арміи не отвѣчалъ планамъ Наполеона и его военнаго министра, маршала Нееля. Причиною тому была, конечно, невозможность организовать государство и армію въ теченіе двухъ лѣтъ на столько, чтобы администрація и готовность къ войнѣ сравнились съ тѣми же двумя элементами Пруссіи, которая испытывала и совершенствовала ихъ многіе и многіе годы. По наблюденіямъ Абани, и другія разнообразныя условія противодействовали введенію во Франціи всеобщей воинской повинности. «Если раздѣлить Францію линіей, соединяющей крѣпость Шлетштадтъ съ сѣверо-западною оконечностію Бретани, то страна представитъ двѣ половины, во многомъ между собою несходныя. Одна только сѣверо-восточная часть обѣихъ половинъ имѣетъ населеніе стоящее на той степени культуры, которая позволяетъ успѣшное примѣненіе всеобщей воинской повинности. Югъ Франціи, съ его пестрыми галло-романскою расою, весьма далекъ отъ того. Здѣсь вообще отсутствуютъ всѣ тѣ гражданскія добродѣтели, которыя необходимы для созданія арміи, состоящей не изъ солдатъ по ремеслу, именіе: уваженіе власти, сдѣлавшееся почти второю натурою, подчиненіе себя государственной цѣли и высшей морали. Только жители Нормандіи, Бретани, Шампани, Эльзаса и прилегающихъ къ сѣверной границѣ департаментовъ способны къ такой организаціи; на югѣ же усиленное требованіе вооруженной силы встрѣтило значительное противодействіе».

Введение новой организации столкнулось и въ законодательномъ собраніи съ серьезными препятствіями, такъ что маршалъ Нель принужденъ былъ принять военную систему, которая не увеличивала числа дѣйствительно боевыхъ солдатъ, а только вносила огромное число ихъ въ списки арміи. Рѣшено было, чтобы дѣйствующая армія состояла изъ 800,000 человекъ, подвижная и національная гвардія изъ 400,000 человекъ; но война 1870 года тотчасъ же обнаружилъ, какъ далеко осталось позади ожиданій осуществленіе новаго военного закона.

Ошибки новой организации французской арміи авторъ называетъ «поучительными» въ томъ смыслѣ, что онѣ выставляютъ трудности перехода, въ столь короткое время, отъ одной системы къ другой и примѣненія ея—прежде нежели она была испытана и прежде чѣмъ государство сжилось съ нею—въ борьбѣ съ противникомъ, который имѣлъ на своей сторонѣ прочную, цѣлесообразную, слившуюся съ государственнымъ организмомъ войсковую администрацію.

Огромныя цифры, говорившія о сухонутной французской арміи въ 1,139,781 человекъ, 140,351 лошадей и 984 орудій, были отчасти виною въ несчастіи Франціи. Представители администраціи, незнакомые съ дѣйствительностью, увѣровали въ эти цифры, видя въ нихъ логическое послѣдствіе теоретически введенной войсковой организации. Между тѣмъ, колоссальныя цифры превратились на дѣлѣ въ наименьшую величину... Въ этой разницѣ лежитъ и другой поучительный урокъ. Законъ, предписывающій арміи ея форму и ея количество, руководствуется, по большей части, идеальными факторами; но до того момента, когда военачальникъ принимаетъ на свои руки боевыя силы, основанныя на новомъ законѣ, обнаруживаются такія многообразныя вліянія, которыя не могутъ быть ни предвидѣны, ни устранены.

Чѣмъ здоровѣе государственный организмъ въ существѣ и формѣ, чѣмъ болѣе единичныя личности достигаютъ государственную цѣль, чѣмъ болѣе присуще имъ уваженіе къ закону вообще, тѣмъ плодотворнѣе будетъ военный законъ для національной обороны...

И на оборотъ: чѣмъ болѣе въ государствѣ плодятся и множатся своекорыстіе и неохота жертвовать личными выгодами общему благу; чѣмъ чаще относится правительство къ тысячамъ предлоговъ, въ силу которыхъ каждый доказываетъ, какъ вещь совершенно естественную, что его особа изъята отъ общаго строгаго закона; чѣмъ чаще милость идетъ вслѣдъ за правомъ, тѣмъ приврачье становится

надежды, основываемыя на всеобщей военной повинности, и тѣмъ скорее государство не только разочаруется въ моментъ испытанія войсковыхъ учрежденій, но и погибнетъ, если на него нападетъ противникъ рѣшительный, безпомощный»...

Во Франціи господствовало отчасти подобное, отчасти еще худшее зло относительно всеобщей военной повинности. Между тѣмъ какъ въ Пруссіи руководящею нитью военной системы служило невозмутимѣйшее равнодушіе къ интересамъ лицъ и ихъ предразсудкамъ, нередко даже къ самымъ справедливымъ интересамъ государства въ народно-хозяйственномъ отношеніи, во Франціи выдвигался на первый планъ личный интересъ правителя государства, который страшился смѣшенія арміи съ гражданскими, миллионными элементами. Отъ того и были приняты полумѣры, такъ что военный законъ 1868 года явился карикатурою того, о чемъ мечталъ маршалъ Нель.

При обсужденіи вопроса: почему въ войну 1870 года исконная, высокая слава французской арміи была разгромлена такъ жестоко, авторъ считаетъ необходимымъ строго держаться объективности и наследовать основательно, точно-ли эта храбрая и надежная армія пала единственно и исключительно подъ бременемъ недостатковъ своей внутренней организации, или же подъ иного рода вліяніями. Но мнѣнію Абани, рассмотреть французскія учрежденія еще не значитъ получить удовлетворительный отвѣтъ на поставленный вопросъ; для полнаго уразумѣнія факта необходимъ сравнительный взглядъ на прусскую войсковую организацию, что авторъ и дѣлаетъ въ своемъ трудѣ. Но предварительно онъ замѣчаетъ, что, независимо отъ результата огромнаго перевѣса имѣвшаго въ числѣ боевыхъ силъ, и не говоря о непростительныхъ ошибкахъ въ стратегическихъ распоряженіяхъ французомъ, въ самомъ французскомъ войскѣ таилось нѣчто такое, что могло повести къ пораженію, если бы даже оно имѣло дѣло съ равносильнымъ противникомъ. Все явленія, замѣченныя внимательнымъ наблюдателемъ на поляхъ битвъ, на маршахъ, въ крѣпостяхъ, авторъ характеризуетъ однимъ словомъ: отсутствіемъ порядка. Это былъ главный недостатокъ французской арміи. И не въ первый разъ такое зло обнаружилось въ войну 1870 года; по единогласнымъ свидѣтельствамъ, оно существовало въ высокой степени уже въ итальянскую кампанію 1859 года.

Отсутствіе порядка авторъ приписываетъ національному характеру французомъ. Развитіе индивидуальности во французѣ гораздо сильнѣе и шире, чѣмъ въ прусской арміи, основанной на полной под-

чинности собственной воли. Уже при самомъ началѣ войны, Абани не разъ бывалъ свидѣтелемъ таковаго поведенія французскихъ войскъ, которое въ прусской арміи было бы неслыханно, невозможно, и уже тогда опытный военный наблюдатель могъ предполагать вѣроятный исходъ кампании. Долготѣяла война въ Алжирѣ съ противникомъ, стоявшимъ ниже уровня европейскаго оружія, искажила и изгладила у многихъ начальниковъ частей вѣрныя понятія о большой войнѣ. Въ Алжирѣ, преодоленіе трудностей продовольствованія (*ravitaillement*) было главною задачею дѣйствій, а торжество надъ противникомъ — второстепенною; борьба съ арабскими ордами давала французскому солдату частые случаи проявлять личную храбрость и находчивость, и онъ не придавалъ особеннаго значенія ни тактическому строю, ни единству дѣйствія. Кромѣ того, продолжительное пребываніе среди кривостепенно и физически растлѣннаго народа также не могло остаться безъ вреднаго вліянія. Самый внимательный усматривалъ и ослаблялъ всѣ энергическіе порывы, и та страна, которую хвастливо называли «высшею военною школою французскихъ офицеровъ и солдатъ», сдѣлалась для нихъ пагубною.

Другую причину пораженія французовъ, опять помимо численной несоразмѣрности силъ, авторъ видитъ въ приращенной націи слабости, которую онъ называетъ «самодовольствомъ». Въ то время, когда нѣмцы арміи стремились усвоить себѣ прогрессъ всѣхъ странъ въ военномъ искусствѣ, бдительнымъ окомъ слѣдили за явленіями и въ военной литературѣ и въ войнахъ другихъ народовъ, стараясь извлечь изъ всего пользу, французская армія, говоря вообще, почти знаетъ ничего не хотѣла о томъ, что дѣлалось въ шлоземныхъ войнахъ. Современная французская военная литература бѣдна; жалобами образованныхъ офицеровъ на невниманіе военно-служащихъ къ книгамъ военнаго научнаго содержанія, т. е. что такихъ книгъ офицеры вовсе не читаютъ, достаточно вопиетъ полное невѣжество во всѣхъ словахъ военной іерархіи, напримѣръ, относительно организациі прусскихъ вооруженныхъ силъ и образа веденія войны пруссаками. Даже высшее французское военное начальство не чуждо, по свидѣтельству Абани, этого общаго порока, что доказывается тою непостижимою опрометчивостію, съ которою преждевременно начата была война, безъ надлежащаго знакомства съ собственными силами и при совершенномъ незнаніи силъ противника. «Если бы», прибавляетъ авторъ, «единичныя личности французской арміи не обладали замѣчательно-высокою самостоятельностью воли и способностью противостоять, съ рѣдкою эластичностію духа, неслыханнымъ военнымъ трудамъ; если бы неу-

довлетворительная дисциплина и слабое повиновеніе начальствующимъ лицамъ не уравновѣшивались значительною степенью находчивости и смѣлости, то ни одно военное предпріятіе не было бы возможно съ подобными войсками».

Но неоспоримо и то, что, въ послѣднюю войну, французы не проявили одного изъ своихъ многихъ традиціонныхъ преимуществъ: они употребили войска въ бою съ величайшею рѣшительностію, съ пріятною отвагою, по вездѣ оназывали себя большими массами на важнѣйшихъ пунктахъ. Генералы часто позволяли себѣ идти на проломъ, очерта голову, хотя и должны были знать, что подобное молодечество ведетъ къ гибели въ борьбѣ съ такимъ противникомъ, какъ пруссаки... Что до подробностей веденія войны, напримѣръ форпостной, сторожевой, развѣдочной службы, охраненія маршей, то казалось, будто, въ моментъ объявленія войны, забыты были всѣ правила теоріи. Въ этомъ отношеніи происходило нечто невѣроятное. Авторъ видѣлъ, какъ значительныя части двигались почти о-бокъ съ неприятелемъ безъ всякой охраны. Конной Луи-Наполеона, сопровождавшей его на маршъ 16-го (4-го) августа отъ Меца въ Шалонъ, расположившейся въ Этанъ, не выставивъ форпостовъ, хотя прусскіе патрули приближались на полчаса пути къ этому мѣсту... Во время сраженія при Гравелотѣ, рекогносцировка мѣстности ограничилась тѣмъ, что поставленъ былъ отрядъ африканскихъ конныхъ егерей (*chasseurs d'Afrique*) на разстояніи часа къ западу отъ Дюнура, и этотъ отрядъ ничего не зналъ о сборѣ значительныхъ кавалерійскихъ массъ пруссаковъ не далѣе семи верстъ. Неожиданный бой 18-го (6-го) августа, хотя французамъ должны были ожидать атаки противника и даже знали, съ этою дѣлюю, позицію, нападеніе при Вейсенбургѣ, при Вертѣ, нападеніе врасплохъ на корпусъ Фальи 31-го августа и т. д. доказываютъ, какъ дурно употребили французы свою кавалерію и какъ мало руководствовались они простѣйшими уроками относительно технической части веденія войны...

Такая же безвѣность господствовала повсюду въ охраненіи лагернаго порядка, въ принятіи мѣръ предосторожности въ крѣпостяхъ и фортахъ. На другой день сраженія 14-го (2-го августа) авторъ, осматривая поле битвы, былъ схваченъ бродившими тамъ солдатами и отведенъ въ фортъ Сенъ-Жюльенъ, внутренность котораго была такова, что дѣлала необходимымъ ведоушеніе туда ни одного посторонняго человека... А въ шести стахъ шагахъ отъ форта стояли прусскіе форпосты; съ французской же стороны не было выставлено ни-

какого охранительнаго отряда и солдаты разгуливали свободно между Сенъ-Жюльеномъ и Мецомъ...

Очертнвъ слабыя стороны французской арміи, авторъ спрашиваетъ: почему же всё подобныя явленія, отчасти новыя по французской арміи, могли имѣть въ ней мѣсто? Главнымъ источникомъ ихъ, по мнѣнію Абани, было то, что во французской арміи давно утратила значеніе истина, что только знанія и таланты ведутъ къ повышенію, а вмѣсто ихъ, деньги, связи, родство возводили на важныя посты людей бездарныхъ, невѣжественныхъ и неспособныхъ. Напримеръ, отъ службы въ главномъ штабѣ устранили офицеровъ незнатныхъ и небогатыхъ, и наполняли его родовыми и денежными аристократами, которые, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, не занимались ничѣмъ серьезнымъ, а вели «жизнь салонную» и окончательно утрачивали въ этой растлѣвающей средѣ послѣдніе зародки способностей и рвенія, если имѣли ихъ... Кроме того, при замѣщеніи высшихъ должностей обращалось вниманіе на политическій образъ мыслей претендентовъ и на то, были ли они любимы императоромъ и жаловалъ ли ихъ дворъ. Фросара и Фальи все французская армія называла «своими же генералами»... Каковы эти птицы, на что они годны—военная нѣтъ надобности.

Составъ, организація и сила арміи Северо-германскаго Союза очерчены у Абани не жемъ мастерскою и столь же правдивою кистью. Опъ высказываетъ, между прочимъ, замѣчаніе, что хотя, съ количественномъ отношеніемъ (947,329 человекъ, 209,014 лошадей, 1,638 орудій, 18,441 повозка), эта армія немногимъ превышала армію французскую, но была несравненно превосходитъ ея. Такое превосходство основывалось на степени подготовки всѣхъ частей и на сущности самой организаціи ихъ. Не въ высшей ли степени замѣчательно, что, при началѣ войны, всѣ обязанные военною повинностію, резервисты и ландверисты, явились изъ всѣхъ частей Германіи, равно и изъ-за границы, съ необыкновенною точностію, не ожидая даже офиціальнаго призыва, и на многихъ сборныхъ пунктахъ приливъ людей былъ такъ великъ, что часть ихъ долго оставалась безъ продовольствія и вооруженія. Эта добросовѣстность, вшедшая въ кровь и въ плоть массы военно-служащихъ, это повиновеніе и сдѣлали возможнымъ собрать и выставить огромную армію въ столь короткое время. Чрезвычайно важнымъ, въ этомъ случаѣ, подспорьемъ было также полное согласіе въ дѣйствіяхъ властей гражданскихъ и военныхъ: всѣ съ примѣрнымъ рвеніемъ старались способствовать общей цѣли.

«Безспорно», говоритъ авторъ, «одна изъ главныхъ силъ прусской организаціи есть локалізація войскныхъ частей и та твердость, съ которою поддерживаются какъ распределеніе войскъ, такъ и оставленіе на своихъ мѣстахъ начальствующихъ лицъ и офицеровъ. Пруссія находится въ необыкновенно-счастливыхъ условіяхъ, имѣя населеніе, стремящееся къ одной цѣли и въ цѣломъ однообразное; тамъ нѣтъ мѣста такимъ распоряженіямъ и учрежденіямъ, которыя противодействуютъ испытанному на дѣлѣ лучшему. Возможность оставлять большія массы войскъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ опъ комплектуется, и провинціальный характеръ отдѣльныхъ частей позволяютъ чрезвычайно быстрое комплектованіе и мобилизацію, что одно ставило до сихъ поръ прусскую армію выше всѣхъ армій Европы... Съ другой стороны, богатые кадры и полнота наличнаго матеріала для замѣщенія офицерскихъ должностей дѣлаютъ возможнымъ весьма важное условіе при возникновеніи войны: весь аппаратъ арміи остается неизмѣненнымъ и не бываетъ тѣхъ перетасовокъ, которыя, въ случаѣ мобилизаціи, ведутъ ко всякаго рода неурядицамъ, какъ, напримеръ, въ австрійской арміи. Начальствующій остается при своей части, которая приобрѣла къ нему довѣріе, и армія имѣетъ, такимъ образомъ, случай испытаніемъ въ мирное время оставлять нетронутымъ въ военное, тогда какъ въ иныхъ государствахъ, въ моментъ серьезнаго употребленія арміи, весь институтъ подвергается запутанной метаморфозѣ».

Изъ прусской организаціи авторъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) безусловное приведеніе всеобщей воинской повинности; 2) высочія требованія отъ офицеровъ и отъ кандидатовъ въ офицеры, и вообще чрезвычайно цѣлесообразное направленіе обшей государственной дѣятельности, имѣющей первенствующею цѣлію боевую годность войскъ; 3) при достиженіи поставленной цѣли, кредитомъ пользуются только полныя мѣры; 4) весь успѣхъ зависитъ отъ непоколебимаго соблюденія того, что, въ теченіе долгихъ годовъ, общественное мнѣніе провозглашаетъ противостественнымъ и что, оказавшись на практикѣ годнымъ, превозносится и прославляется теперь прежними упорѣйшими противниками и порицателями.

По убѣжденію автора, исторія не представляетъ другаго примѣра столь полнаго осуществленія двухъ противоположныхъ цѣлей, какое представляла, со стороны Германіи, война 1870 года: по-первыхъ, подъ ружье стала цѣлая нація, способная на большее развитіе силы, чѣмъ были даже воинственные племена древности; во-вторыхъ, исполнены были требованія новѣйшей культуры въ разнѣрахъ болѣе

широкихъ, нежели какъ то случилось во многихъ государствахъ, обращающихъ слабое вниманіе на развитіе военнаго дѣла.

Извѣстно, что и въ Германіи, какъ было во Франціи, всеобщее воодушевленіе требовало формировапія волонтеровъ. Прусское правительство не дозволило этого, и тѣмъ доказало, какъ оно умѣетъ быть послѣдовательнымъ въ сохраненіи однажды утвержденной организаціи. «Войско должно быть вооруженнымъ народомъ; всякій обязанъ искать своего мѣста въ средѣ войска и отказаться отъ привилегированнаго положенія»..

Воздавая каждому свое, Абани съ уваженіемъ говоритъ о южно-германскихъ союзникахъ Пруссіи, много содѣйствовавшихъ успѣху войны. Луи-Наполеонъ считалъ силу южно-германскихъ государствъ приблизительно въ 200,000 человекъ; онъ могъ рассчитывать на ихъ колебаніе, на ихъ предпочтительность принять сторону Пруссіи и даже надѣялся привлечь ихъ къ себѣ въ теченіе войны. Въ такомъ случаѣ, несообразность силъ была бы болѣе чѣмъ устранена. Мастерской дипломатической маневръ Бисмарка уничтожилъ расчеты императора французскаго: Луи-Наполеонъ ошибся, но крайней мѣрѣ, на 300,000 человекъ—почти на столько его армія уступала въ численности нѣмецкой арміи.

Числовые данныя не могутъ, однако, служить единственнымъ мѣриломъ достоинства и силы нѣмецкихъ армій. Должны быть принимаемы во вниманіе и другіе, притомъ самые разнообразныя, элементы. Судя по вѣковому опыту, съ перваго взгляда позволительно было рассчитывать развѣ только на малые успѣхи нѣмецкихъ войскъ, и даже сомнѣваться въ какомъ либо успѣхѣ: болѣе нежели тысячелѣтнія судьбы Германіи представляли лишь картину распада, кражды, строптивости нѣмецкихъ племенъ и государствъ. Такого единодушія, какъ въ войну 1870 года, еще никогда не проявлялось.

Напротивъ того, французская армія, рядомъ счастливыхъ кампаній и блистательныхъ предпріятій, упрочила за собою завидную славу. И войну 1870 года начинала нація сосредоточенная, которая, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, умѣла приносить въ жертву личные матеріальные интересы блугу государства, и хотя скоро подчинилась дурнымъ вліяніямъ, но столько же быстро одушевлялась вновь. Едва ли кто станетъ отрицать, что, до сихъ поръ, въ способѣ веденія войны французы являли себя мастерами, и что въ боевой годности индивидуальныхъ личностей, особенно же въ пылкой храбрости, эта нація удерживала за собою пальму первенства. Правда и то, что многочисленные революціи лишили французскаго способности подчинять соб-

ственную волю вождя начальника, а чрезмѣрная безпечность и вредныя вліянія мѣшали имъ слѣдить за успѣхами военнаго искусства.

Такой-то націи предстояло поборяться съ державою, которая почти никогда не имѣла генеральныхъ военачальниковъ, гдѣ почти никогда не выступали необыкновенныя вліянія ни въ частности, ни въ цѣломъ, но гдѣ индивидуальность солдата была доведена до высшей степени развитія, а обдуманная методика заступала мѣсто гения.

«Этой методикѣ, этой артельной, руководившейся правилами теоріи обдуманности въ цѣломъ и въ подробностяхъ, обязана Пруссія всеми своими успѣхами. Валитіе ея зиждется на строгомъ выполненіи долга отдельными личностями и на вызываемой тѣмъ правильности, съ которою дѣйствуютъ всѣ части огромной машины».

II.

При стратегическомъ обзорѣ театра войны, авторъ останавливается прежде всего на верхнемъ Рейнѣ, т. е. на пространствѣ отъ Базеля до Майнца, такъ какъ именно здѣсь французамъ принадлежалъ перевѣсъ въ стратегическомъ смыслѣ. Нейтральная Швейцарія, крѣпости Страсбургъ, Бельфоръ, Безансонъ, Лаугръ и большое число укрѣпленныхъ городовъ, которые всѣ связаны между собою желѣзными дорогами, а посредствомъ шести линій и съ нейтральными пунктами государства, Парижемъ и Ліономъ, представляли французамъ широкую свободу маневрированія, и, кромѣ того, это пространство было въ особенности пригодно для быстрыхъ наступательныхъ дѣйствій противъ южной Германіи. И въ оборонительномъ отношеніи эти преимущества значительны: параллельное направленіе Вогезовъ, Мозель, Овернь и Маасъ представляютъ атакующему весьма серьезныя препятствія.

О Страсбургѣ, какъ центрѣ тяжести французскаго базиса на Рейнѣ, Абани замѣчаетъ, что сила этой крѣпости часто была преувеличиваема. Прежде всего, она не заслуживаетъ названія «укрѣпленнаго лагера»; судя же по состоянію верховъ и по принятымъ оборонительнымъ мѣрамъ, защита ея не могла быть продолжительна. Тѣмъ не менѣе, если бы французы не упустили изъ рукъ инициативы дѣйствій, этотъ узловой пунктъ получилъ бы важное значеніе при переправѣ войскъ чрезъ Рейнъ, подъ покровительствомъ крѣпостныхъ орудій.

По достовѣрнымъ и согласнымъ между собою свидѣтельствамъ и извѣстіямъ, французскій операціонный планъ основывался, главнымъ образомъ, на дѣйствіяхъ въ этой части французской границы. Армія

Мажъ Магопа, сосредоточивая въ долину Рейна, являла назначеніемъ воспрепятствовать сбору южно-германскихъ войскъ и ихъ соединенію съ арміей Северо-германскаго Союза; Мецъ, занятый значительными силами, долженъ былъ противодействовать наступленію прусской рейнской арміи, а для вторженія въ южную Германію предполагалось двинуть 200,000 человекъ. «Если бы эта операція была осуществлена своевременно и не была парализована другими факторами, то оборонительныя приготовленія немцевъ на среднемъ Рейнѣ оказались бы излишними и судьба войны была бы рѣшена взятіемъ Ульма».

Вслѣдствіе того, что французы опоздали наступленіемъ, театръ войны былъ перенесенъ на средній Рейнъ. Операціонный районъ на юго-западъ отъ средняго Рейна, начиная отъ Вогезовъ до Мааса, имѣющей въ данную до сорока миль, охваченъ отчасти германскими владѣніями, отчасти граничитъ съ иноземными территориями. Оба главные здѣсь пункты базиса суть, отстоящіе одинъ отъ другого на восемнадцать миль, Майнцъ и Кобленцъ, изъ которыхъ первый обезпечиваетъ, въ направленіи французскаго вторженія отъ Меца къ среднему Рейну, все важныя сообщенія. Значеніе Майнца для обороны и для наступленія одинаково велико: имъ обусловливается обладаніе обоими берегами Рейна и обоими берегами Майна. Значеніе же прусской крѣпости Саарлунъ чисто-второстепенное; напротивъ того, со стороны французской, Мецъ есть «крѣпость для арміи», въ истинномъ смыслѣ слова: усиленный всеми средствами современной фортификаціи, онъ имѣетъ большое вліяніе на великое наступательное дѣйствіе противъ Франціи, равно дѣлаетъ возможнымъ и французское наступленіе къ среднему Рейну, не взирая на невыгодныя географическія условія.

Прочія крѣпости: Гюневиль, Марсаль, Туль, Вердѣнъ, Шиве, Мезьеръ, Седанъ, Монмеди и т. д. отвѣчаютъ специальнымъ цѣлямъ, прикрывая пути сообщенія.

Арденны, въ южныхъ отрогахъ которыхъ послѣдовала рѣшительная битва, идутъ между Эйфелью, Уртюмъ и по обоимъ берегамъ Мааса и прорываются Самброю. Они суровы, обильны нагорными плоскостями, покрыты бодотами, густымъ вустарникомъ и отчасти лѣсами, что все крайне затрудняетъ военныя дѣйствія.

Мозель есть важнѣйшая рѣка этого театра войны и уже выше Меца, по свойству своихъ береговъ, представляетъ значительное препятствіе движенію. Впрочемъ, отъ Меца на сѣверъ, въ нижнемъ теченіи, берега рѣки понижаются у Трира, что чрезвычайно благоприятствовало сбору здѣсь прусскихъ силъ; но дальше, до впаденія ея въ Рейнъ, мѣстность опять изобилуетъ дефилеями.

О средствахъ сообщенія Абани говоритъ: «Давно признано за истину, что тѣ громадныя боевыя силы, съ которыми нынѣ начинаютъ войны, и вслѣдствіе которыхъ походы превращаются въ истинную борьбу народовъ, возможны, главнымъ образомъ, только при постепенно-большемъ и цѣлесообразномъ развитіи сѣти желѣзныхъ дорогъ въ государствахъ. Легко доказать, что тамъ, гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, и гдѣ, слѣдовательно, и прочая комунікаціонная сѣть неудовлетворительна, кампанія такихъ размѣровъ, какъ въ послѣдніе годы, не могутъ имѣть мѣста и до сихъ поръ не имѣли мѣста. Многочисленныя затрудненія въ продовольствованіи большихъ массъ, громадная потеря времени и трата силъ отъ продолжительнаго слѣдованія войскъ пѣшкомъ, суть главныя преграды употребленію многочисленныхъ армій, козъ скоро онѣ не имѣютъ въ своемъ полномъ распоряженіи желѣзныхъ дорогъ... Последняя война еще разъ подтвердила эту истину въ обширнѣйшемъ размѣрѣ; можно даже сказать, что безъ желѣзныхъ дорогъ исходъ войны былъ бы совершенно другой, и Прусія никогда не осмѣлилась бы послать за французскую границу такія колоссальныя полчища, какія не выставлялись со времени баснословныхъ войнъ глубокой древности».

Авторъ рассматриваетъ далѣе, какъ воспользовались обѣ стороны своими рельсовыми путями и какую услугу эти пути оказали имъ, а потомъ переходитъ къ «тактическимъ» условіямъ армій французской и прусской.

Предсказаніе, что французы будутъ разбиты, если выступятъ противъ пруссаковъ съ тактикою Мадженты и Сольферино, подтвердилось.

«Опытъ засвидѣтельствовалъ впрочемъ, что та тактическая форма, въ которой части войскъ или цѣлыя арміи торжествуютъ надъ своими противниками, не есть рѣшительный элементъ, ведущій къ побѣдѣ или къ пораженію. Успѣхъ, какъ и неуспѣхъ, принадлежитъ стратегической дисциплинѣ, а главнымъ образомъ — полѣтѣйшей экономіи силъ. Подъ «экономіей силъ» слѣдуетъ разумѣть всецѣлое употребленіе всякой силы, во-первыхъ, на театрѣ войны, а потомъ на рѣшительныхъ пунктахъ, на поляхъ сраженій, и се не должно смѣшивать съ «береженіемъ силъ», которое, въ стратегическомъ смыслѣ, довольно часто противопоставляется «экономіи» ихъ. «Стратегическая дисциплина» есть полное подчиненіе отдѣльныхъ дѣйствій корпусовъ и армій главной цѣли; постановка на задній планъ, ради интереса цѣлаго, личностей съ ихъ мелочною завистью, съ ихъ политическими мнѣніями, съ ихъ честолюбіемъ; наконецъ, твердая рѣшимость приносить величайшія жертвы людьми во-время и въ дан-

ный моментъ. Та армія, которая, руководясь рутинною или заспунувъ въ умственной дѣлн, не понимаетъ цѣли и сущности боя и идетъ впередъ ая, безъ знакомства съ приемами противника, бываетъ побита непременно».

«Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на событія, какъ бы ни были справедливы упреки, дѣлаемые французскимъ военачальникамъ за безтолковость и опрометчивость, нельзя однако быть несправедливымъ къ самой французской арміи: вѣтцы одолѣли ее преимущественно численнымъ перевѣсомъ.»

Вслѣдъ за этими словами Абани представляется любопытную характеристику военачальниковъ обѣихъ сторонъ.

Главнокомандующій прусскою арміею, король Вильгельмъ I никогда не забывалъ притязаній на славу полководца; тѣмъ не менѣе, своею безграничною преданностію благу государства и арміи, рѣшительно слѣдовать совѣтамъ Бисмарка, онъ имѣлъ огромное вліяніе на войну, и государю этому принадлежитъ неоспоримая слава въ томъ, что онъ всегда умѣлъ пользоваться тѣми превосходными органами, которые сдѣлали изъ его арміи отличное орудіе политическихъ плановъ.

Ни объ одномъ изъ своихъ генераловъ пруссаки не говорятъ съ такимъ удивленіемъ и благоговѣйнымъ уваженіемъ, какъ о генералѣ Мольтке. Положеніе его, какъ первенствующаго стратега арміи, стоящаго въ сторонѣ отъ вожденія ея и отъ непосредственнаго вліянія на войска, не имѣть ничего себѣ подобнаго въ военной исторіи. Судя по всѣмъ отзывамъ, Мольтке исключительно человѣкъ теоріи, кабинетнаго умственнаго труда... И здѣсь пруссаки ступили, повидимому, на вѣрный путь: тотъ принципъ народнаго хозяйства, который во всѣхъ отрасляхъ политической дѣятельности приносилъ до сихъ поръ столь великіе результаты, они примѣнили, въ обширныхъ размѣрахъ, къ веденію войны. Начальствованіе надъ пышными колоссальными арміями слишкомъ тяжело для силъ одного человѣка. Никто не въ состояніи обозрѣть весь громадный механизмъ и управлять имъ. Командованіе подобною массою людей, такъ какъ командовалъ бы ею, напримѣръ, Наполеонъ I, потребовало бы генераловъ, которые обладали бы и дарованіями перваго Наполеона. Невозможность имѣть постоянно подъ рукою такого полководца пруссаки придумали устранить весьма хорошимъ средствомъ: задачу военачалія они раздѣлили между многими силами, т. е. они образовали арміи самостоятельныя, другъ отъ друга отдѣльныя, задачи которыхъ опредѣлялись общою цѣлію. Надъ этими арміями слѣ-

довало только воставить, съ одной стороны, высшую власть представительную, личность короля Вильгельма I, съ другой—способность свободную, мало-тронуемую военными событіями, которая могла бы вадати, какъ бы изъ кабинета, управлять частями великаго цѣлага.

Кампаніи послѣднихъ лѣтъ обнаружили, что главнокомандующіе тѣми арміями, гдѣ такого рода учрежденіе не имѣло мѣста во всей своей чистотѣ, увлекались наклонностію вмѣшиваться въ мелочи, обращали вниманіе на второстепенныя событія, тѣмъ самымъ отклоняли свое вліяніе на высшее начальствованіе—въ строжайшемъ смыслѣ слова—перѣдко выпускали изъ рукъ нить операцій именно въ тѣ моменты, когда отъ нихъ требовалась самая сосредоточенная сила духа, были перѣшительны, робки и проитрывали кампаніи... Уюмявутымъ учрежденіемъ въ Пруссіи такое неудобство было устранено, и въ пемъ, въ этомъ учрежденіи, разработка теоріи проведена до ея самыхъ крайнихъ послѣдствій.

Мыслиціе стратегіи, даже между пруссаками, давно призвали планъ кампаніи 1866 года, съ прусской стороны, ошибочнымъ; давно считается несомнѣннымъ, что только безтолковыя распоряженія австрійцевъ помѣшали извлечь пользу изъ сдѣланныхъ генераломъ Мольтке ошибокъ и разбить превосходными силами обѣ, бесполезно раздѣленные, арміи пруссаковъ. Если же этотъ ошибочный планъ привелъ пруссаковъ къ побѣдѣ, то единственно потому, что, вслѣдствіе указанного выше раздѣленія у нихъ власти единоначалія и достигнутой тѣмъ методикой, онъ, при всей своей неудовлетворительности, былъ исполненъ восторски.

Общій голосъ называетъ Мольтке глубокимъ мыслителемъ. Въ войну 1870—1871 г. этотъ генералъ блистательно оправдалъ питаемое къ нему довѣріе, и достовѣрное, правдивое изложеніе военныхъ дѣйствій, веденныхъ по его указаніямъ, будетъ превосходнымъ руководствомъ искусства войны.

Отличительныя качества Мольтке суть: свобода взгляда, сила воли обдумать какой-либо планъ, лучшей или худшей, и провести его послѣдовательно. Предначертанія Мольтке не отлщиваются, правда, гениальностію, но этотъ недостатокъ онъ возмѣщаетъ тою сообразительностію и тою точностію, съ которыми умѣетъ завѣщивать цѣль и средства и осуществлять достиженіе первой.

Въ противнннн Мольтке изъ предстоявшей умственной борьбѣ прочли маршала Лебефа. На него возлагались чрезвычайныя надежды; по слова Наполеона I, говорившаго, что хорошіи артиллерійскій офицеръ можетъ быть и хорошимъ офицеромъ генеральнаго штаба, ока-

зались невѣрными, потому что Лебедь весь былъ погруженъ въ техническія подробности своего оружія. Онъ не обладалъ ни быстротою рѣшимости, ни обширностію взгляда, безусловно необходимыми для управленія арміей. Къ тому же онъ не былъ чуждъ личнымъ симпатій и антипатій, и еще до начала кампаніи разсорился съ большинствомъ корпусныхъ командировъ.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ, впервые выступившій командующимъ въ датскую войну, обратилъ на себя вниманіе энергическимъ и разумнымъ вожденіемъ своихъ войскъ. Если справедливо, что, накануне битвы при Вейнгредѣ, онъ настоялъ на атакѣ непріятельской позиціи, то нельзя отказать ему въ стратегической сообразительности.

Наслѣдныи принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ, со своимъ начальникомъ штаба, генераломъ Блумштедлемъ, имѣлъ главную долю успѣховъ какъ въ кампанію 1866 года, такъ и въ войну 1870—1871 годовъ. Обстоятельство, рѣшившее судьбу кениггрецкаго сраженія, дѣлаетъ честь тому, кто былъ его виновникомъ.

Генералъ Штейнмецъ, своею необыкновенною рѣшительностію и храбростію при Находѣ, Скалицѣ и Швейшеделѣ, разбилъ, одинъ за другимъ, три корпуса; но въ послѣднюю войну престарѣлый генералъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя неблаговоленіе короля и былъ отрѣшенъ отъ командованія первою арміею.

Всѣ прочіе прусскіе генералы, корпусные и дивизионные начальники, не славятся какими-либо гениальными качествами; но всѣ отличаются умѣньемъ водить ввѣренныя имъ войска умно, безукоризненно-точно и съ необыкновенною любовью къ своему долгу. Славу свою они полагаютъ въ добросовѣстнѣйшемъ исполненіи, до мельчайшихъ подробностей, своихъ обязанностей и умѣютъ, во всѣхъ фазахъ войны, не только внушать своимъ частямъ духъ порядка и дисциплины, но и поддерживать его, а это условіе, особенно при современныхъ большихъ арміяхъ, ведетъ къ побѣдѣ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ самыя гениальныя соображенія. Прусскіе генералы умѣютъ и повиноваться и дѣйствовать съ похвальною самостоятельностью, согласно съ обстоятельствами. Чуждые личнаго честолюбія, они слѣдуютъ, большею частію, внушенію благороднаго чувства долга и подчиняютъ свои собственные интересы, свою собственную славу требованіямъ общей пользы. Съ пачатіемъ войны, они возвышаютъ свои требованія и свою строгость относительно подчиненныхъ имъ войскъ и соединяютъ съ точнымъ знаніемъ постановленій, вошедшихъ въ плоть и кровь арміи, необходимую твердость проводить ихъ при всѣхъ условіяхъ.

Съ французской стороны, императоръ Луи-Наполеонъ долженъ былъ еще разъ попытаться военнаго счастья, послѣ того какъ въ итальянскую кампанію онъ обязанъ былъ славою большею счастію и ошибкамъ противника, нежели своимъ способностямъ. Уже тогда обнаружались крупныя недостатки въ руководимыхъ имъ организаціи и мобилизаціи арміи; но нельзя не признать за нимъ свѣжей инициативы, проявленной въ эту кампанію, и его смѣлый фланговой маршъ передъ сраженіемъ при Маджентѣ, несмотря на безпорядочность выполнения, не пройдетъ незамѣченнымъ въ военной исторіи. Напротивъ, въ войну 1870 года Луи-Наполеонъ не выказалъ ни рѣшительности, ни быстроты соображеній, какъ будто никогда не имѣлъ этихъ качествъ... Многихъ изъ лучшихъ своихъ генераловъ, отчасти вышедшихъ еще изъ школы перваго Наполеона, онъ потерялъ въ послѣдніе годы, и между корпусными начальниками были только два генерала, успѣшно сражавшіеся въ Крыму и въ Италіи—Макъ-Магонъ и Каироберъ.

Макъ-Магонъ несправедливо слылъ во французской арміи за даровитѣйшаго генерала. Дѣйствія его при Маджентѣ не оправдываютъ такого мнѣнія. Человѣкъ благороднаго характера, безкорыстный, лично весьма храбрый, онъ никогда не имѣлъ случая проявить свои стратегическія дарованія, и то обстоятельство, что онъ—по приказанію-ли Паликао или по вліянію императора—рѣшился на роковой маршъ къ бельгійской границѣ, кончившійся Седаномъ, выставляетъ въ сомнительномъ свѣтѣ его дарованія, какъ полководца.

Изъ всѣхъ генераловъ французской арміи, маршалъ Базенъ пользовался, какъ человѣкъ, самую дурною славою. Его обвинили въ подкупности, въ корыстолюбіи, въ нахабности къ поборамъ, называли продажнымъ, безчестнымъ. Не взирая на такія обвиненія, громко высказывавшіяся даже солдатами экспедиціоннаго корпуса въ Мексикѣ, Базенъ всегда умѣлъ поддерживать желѣзную дисциплину и примѣрный порядокъ. Онъ человѣкъ дѣла и въ войну 1870 года одинъ не потерялъ голову. Подъ Мецомъ войска его дрались стойко и храбро.

Генералъ Трошию, человѣкъ основательнаго ума, но склонный къ интригамъ, не пользовался до войны благоволеніемъ Луи-Наполеона за свой орлеанскій образъ мыслей. Извѣстною книгою о французской арміи онъ продалъ арміи слѣзть на ея внутренній бытъ, а во время управленія Парижемъ, въ качествѣ губернатора, показалъ больше энергии, нежели сколько можно было ожидать отъ генерала литературно-военнаго.

Привода къ одному знаменателю причины, препятствовавшія успѣшному веденію войны со стороны французовъ, видимъ слѣдующія явленія: чрезмѣрное довѣріе французскихъ генераловъ къ собственной силѣ и къ силѣ своихъ войскъ; легкомысленный взглядъ какъ на малую войну, такъ и на большія военныя дѣйствія; страсть къ чрезвычайъ самостоятельнымъ распоряженіямъ; эгоизмъ; подчиненіе себя вліянію политическаго положенія страны. Всѣ эти элементы мѣшали ихъ дружному и совокупному дѣйствію.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что французская армія не имѣла въ своихъ рядахъ ни одного свѣдущаго кавалерійскаго генерала, и что отсутствіе знанія теоретическихъ истинъ разительнѣе обнаруживалось въ томъ, что всѣ начальники частей отказывались отъ той важной помощи, которую можетъ оказать кавалерія въ аванпостной и развѣдочной службѣ.

III.

Съ большимъ знаніемъ дѣла и съ рѣдкимъ безпристрастіемъ очерчиваетъ авторъ событія, предшествовавшія объявленію Франціей войны. После всего, что по этому поводу было писано въ газетахъ, не предстояло бы, повидимому, надобности распространяться о столь извѣстномъ предметѣ; но въ томъ-то и дѣло, что предметъ извѣстенъ только съ той точки, на которую поставили читатели публицисты обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Даже до сихъ поръ есть еще довольно неразъясненнаго въ этомъ спорномъ вопросѣ, и хотя Абани не могъ, по неизбѣжно, недоступныхъ частному человеку, официальныхъ источниковъ, вполнѣ приподнять завѣсу, однако нѣкоторые факты освѣщены имъ ищаче, нежели какъ ихъ объясняли нѣмцы и французы.

Чтобы нагляднѣе представить разнообразныя причины, подготовившія разрывъ между Франціей и Пруссіей, авторъ естественно долженъ былъ обратиться къ тому повороту во внутренней и вѣннской политикѣ Луи-Наполеона, который начался со времени мексиканской экспедиціи. Съ этихъ именно поръ и стало замѣтно колебаніе во французской политикѣ, свидѣтельствовавшее, что личное вліяніе императора на народъ было сильно потрясено, и что его прежняя смѣлость была парализуема возрастающею, въ болѣе и болѣе грозныхъ размѣрахъ, оппозиціей страны.

Въ то же время, и дѣла вѣннской политики складывались крайне неблагоприятно. Римская экспедиція въ пользу папы и жалкая побѣда при Мештанѣ надъ гарибальдійскими бандами оттолкнули отъ

Луи-Наполеона итальянскій народъ; попытка улучшить отношенія къ Пруссіи по вопросу о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ не удалась; необходимость рѣшенія мечомъ натянутыхъ отношеній къ усиливавшейся Пруссіи становилась неизбежною, какъ вдругъ оппозиція сложилась въ миру, потому что она больше боялась успѣховъ императора, нежели надѣялась на нихъ. Министерство Оливье, глава котораго былъ благорасположенъ къ нѣмецкой націи, замѣнило Руэра; Луи-Наполеонъ сдѣлалъ уступки, но лишь вполовину, и съ явнымъ нежеланіемъ, да скорѣе и эти уступки показались ему вредными. Волшебія, въ началѣ 1870 года принизшія въ Парижѣ весьма опасный характеръ, были усмирены вспыхнувшею на время энергіей императора; но они же послужили для него поводомъ еще разъ обратиться съ вопросомъ къ народу: стоитъ-ли народъ за него и за его династію?... Такая мѣра показываетъ, лучше нежели все прочее, какъ далеко былъ Луи-Наполеонъ отъ своего прежняго безцеремоннаго образа дѣйствія: онъ не могъ не знать, что благопріятный результатъ плебисцита немного придастъ вѣсу его имени, ибо всѣмъ было извѣстно, что голосованіе обставлялось полнымъ нейтралитетскимъ аппаратомъ въ смыслѣ династіи.... Полтора миліона «нѣтъ» гражданъ и относительно-крупная цифра отрицательныхъ голосовъ въ арміи тяжело пали на вѣсы, такъ что изъ результатовъ плебисцита Луи-Наполеонъ долженъ былъ убѣдиться, что положеніе для него и для его династіи сдѣлалось весьма сомнительнымъ. Крайняя дѣявшая сторона приобрѣтала съ каждымъ днемъ новыхъ приверженцевъ; открыто высказанная ею цѣль: социальное-демократическая республика устраняла отъ императора самую вѣрную дотолѣ опору—рабочее населеніе. Дѣявшая сторона, гораздо умѣреннѣе такъ называемыхъ «непримиримыхъ», отшатнулась отъ ихъ разрушительныхъ идей и обратила свои симпатіи къ орлеанской фамиліи.

При такомъ направленіи дѣлъ, нельзя было сидѣть сложа руки. Наполеонъ усердно принялся отыскивать себѣ союзниковъ, заручился обѣщаніями короля итальянскаго, получивъ успокоительныя зафреншіи съ другой стороны.... Послѣдствія показали, что величайшею ошибкою Наполеона, во все время его царствованія, была та, что онъ повѣрилъ этимъ завѣщеніямъ... Авторъ считаетъ до сихъ поръ неразъясненнымъ, на сколько Бисмарку удалось обмануть французскаго императора относительно намѣреній южно-германскихъ государствъ, но признаетъ несомнительнымъ — какъ выше замѣчено — что Наполеонъ рассчитывалъ скорѣе на помощь, нежели на противодѣйствіе ихъ.

Это обстоятельство, равно допесенія военнаго министра Лебѣфа о

полной готовности Франціи къ войнѣ, а главное — моментъ крайней необходимости, побудили Луи-Наполеона, послѣ долгаго колебанія, къ рѣшимости. «Въ какой мѣрѣ тутъ дѣйствовали донесенія французскихъ военныхъ агентовъ, особенно берлинскаго, рѣшить трудно», говоритъ Абани. «Законъ правды и объективность воспрепятствуютъ примкнуть къ хору тѣхъ, которые отвѣтственность за начало войны заваливали на плечи Штоффеля...» Вообще же господствуетъ мнѣніе, будто прусское правительство задѣло за живое личные интересы Луи-Наполеона; но была ли кандидатура принца Леопольда Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ выдвинута Пруссіей или Франціей — этотъ вопросъ авторъ оставляетъ открытымъ. Прусская тенденціозная печать утверждала, будто Примъ, которому приписывается приглашеніе герцога занять вакантный престолъ Испаніи, дѣйствовалъ по порученію Франціи, чтобы пайти предлогъ къ войнѣ; противная же сторона говоритъ, будто Примъ — некогда прусскій унтеръ-офицеръ — былъ поставленъ Бисмаркомъ при испанскомъ дворѣ исключительно ради интересовъ Пруссіи... Спокойная, безпристрастная исторія возстановить, со временемъ, истину. Нельзя, однако, не согласиться съ авторомъ, что «сторониво-лихорадочная дѣятельность французской дипломатіи по этому вопросу усиливаетъ подозрѣніе, что французское правительство не употребило всѣхъ мѣръ къ полюбовному рѣшенію спора».

Извѣстно, съ какими требованіями графъ Бенедети обратился, 13-го (1-го) іюля, къ королю Вильгельму въ Эмсѣ. По прусскимъ источникамъ, король съ достоинствомъ и энергіей отклонилъ разъ навсегда притязанія французскаго дипломата, и когда Бенедети вторично позволилъ себѣ обещоконтить короля своею назойливостію, тотъ приказалъ одному изъ своихъ адъютантовъ передать ожидавшему въ пріемной комнатѣ французскому посланнику, что онъ «не имѣетъ ничего болѣе сообщить графу Бенедети». Другіе источники излагаютъ сущность этого случая подобнымъ же образомъ, но въ нѣсколько отличной формѣ. «Нельзя ожидать», — прибавляетъ авторъ — «чтобы исторія когда-либо обнародовала *подлинныя слова*, сказанныя королемъ, если они дѣйствительно не были таковы, какъ утверждаютъ свидѣтели и какъ они распространились по всей Франціи. Рассказывали, будто графъ Бенедети слышалъ слова, рассчитанныя не для дипломатическаго уха, при открытыхъ дверяхъ и, не дождавшись передачи ихъ королевскимъ адъютантомъ, немедленно телеграфировалъ въ Парижъ. Несмотря на юмористическій оттѣнокъ этого сказанія, оно, если справедливо, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, ибо, въ такомъ случаѣ, вина переходитъ вполне на прусскую сторону, такъ

какъ оскорбленіе посланника, безъ послѣдующаго удовлетворенія, послужило бы основательною причиною къ войнѣ...» Между тѣмъ изъ объясненія, представленнаго Бисмаркомъ въ засѣданіи союзнаго совѣта и проникнутаго тономъ истины, помимо того, вѣрно или нѣтъ было содержаніе, видно, что французскому кабинету приписывалось то самое обвиненіе, которое несъ французскій народъ относилъ къ кабинету прусскому.

Бурю, возбужденную въ законодательномъ собраніи испанскимъ вопросомъ, Оливье старался утишить увѣреніемъ, и притомъ «увѣреніемъ честію», что правительство не хочетъ войны!... «Напротивъ» — прибавилъ министръ — «оно питаетъ живѣйшее желаніе сохранить миръ, а извѣстно, что если Франція, отставшая свое законное право, покажетъ себя твердою безъ увлеченія, то Европа пойметъ это и будетъ справедлива къ требованіямъ великой націи». Авторъ предполагаетъ, что такое завѣреніе не было ложью со стороны Оливье, но оно выставило самымъ нагляднымъ образомъ самообольщеніе французскаго кабинета, какъ относительно собственныхъ интересовъ, такъ и по поводу настроенія Европы: оно показало ничѣмъ не оправдываемое довѣріе къ обѣщаніямъ нейтральныхъ державъ.

Сдѣлать немыслимый шагъ, при господствовавшемъ тогда во Франціи возмненіи умовъ, было невозможно. Затронутое французское тщесловіе оказалось слишкомъ возбужденнымъ; чтобы кунить миръ, Луи-Наполеонъ долженъ бы былъ отречься отъ престола, чего всего меньше можно было ожидать отъ человѣка, властолюбіе котораго всегда превышало его хорошія и дурныя качества. Газеты всѣхъ партій, стоявшія за войну и бывшія противъ нея, единогласно говорили объ униженіи Франціи, если она не воспротивится замысламъ Пруссіи, и расходились между собою только въ средствахъ къ отклоненію такой опасности. «Мониторъ», хотя и правительственный органъ, высказался, однако, въ смыслѣ всего населенія Франціи. «Послѣ того, какъ прусское правительство четыре года злоупотребляло нашимъ терпѣніемъ и терпѣніемъ Европы, оно перешло за всѣ границы. Если наша политика относительно Испаніи должна быть умѣренной, то по отношенію къ Пруссіи мы въ иномъ положеніи. Отуманенная своими первыми успѣхами, эта держава хочетъ присвоить себѣ перевѣсъ и господство въ Европѣ. Надобно положить предѣлъ подобному притязанію. Вопросъ долженъ быть расширенъ; отреченіе принца Леопольда отъ испанскаго престола теперь уже недостаточно. Наименьшее, чего мы должны требовать и что можетъ удовлетворить насъ, было бы формальное подтвержденіе и безусловное исполненіе пражскаго трак-

тата, по его буквальному смыслу и духу, то есть: свобода южно-германскихъ государствъ, очищеніе крѣпости Майнца, принадлежащей къ югу Германіи, отказъ всякаго военнаго вліянія по ту сторону Майна и устройство дѣль съ Даніей. Вотъ наши единственныя гарантіи, и если памъ не дадутъ ихъ, то требованія наши увеличатся».

Абани замѣчаетъ по этому поводу справедливо, что Франція, на сколько приведенное заявленіе истекало изъ офціального источника, слишкомъ высоко оцѣнила вѣсь своего положенія. Исполненіе пражскаго мира было, прежде всего, дѣломъ тѣхъ державъ, относительно которыхъ поставленныхъ въ немъ условій остались неисполненными. Франція не имѣла права быть ихъ органомъ; «но» прибавляетъ авторъ, «никто не броситъ въ нее камень за то, что она возстала противъ безпримѣрнаго поступка Пруссіи, которая условія мирнаго трактата, всё безъ исключенія, частію уничтожила, частію не исполнила единственно потому, что противныя заинтересованная стороны были слабы принудить ее къ исполненію трактата».

Уже въ это время, именно шестого іюля, на другой день послѣ того, какъ Кошері сдѣлалъ въ законодательномъ собраніи запросъ объ испанскихъ дѣлахъ, война казалась неминуемою, и «на кого бы ни пала вина за вызовъ къ ней, ни одна изъ обѣихъ націй не можетъ очистить себя отъ упрека, что не желала ея».... Была, впрочемъ и во Франціи значительная партія, убѣжденія которой высказалъ Тьеръ въ своей знаменитой рѣчи, встрѣченной въ палатѣ шумными одобреніями. Какъ манифестация честнаго и патриотическаго убѣжденія, она достойна быть сохраненною на страницахъ исторіи. Тьеръ говорилъ:

«Если когда-либо можно сказать, что исторія изпрасть на насъ, то именно сегодня. Когда объявить войну, рука моя будетъ принадлежать отечеству; но отъ рѣшенія палаты зависитъ судьба страны и жизнь сотенъ тысячъ людей. Господа! главное требованіе удовлетворено; только изъ-за вопроса о цѣлостности готовится пролить потоки крови.

«Что касается меня, то, заботясь о томъ, чѣмъ меня помянуть, я не возьму на себя ответственности за такое рѣшеніе. Требую, предъ лицомъ страны, чтобы намъ сообщали дѣлени, вслѣдствіе которыхъ рѣшились объявить войну. Если бы я былъ министромъ, то счелъ бы своимъ долгомъ дать странѣ нѣсколько минутъ на размышленіе.... Признаю эту войну неблагоприятною. Какъ ни огорчили меня событія 1866 года, однако выборъ настоящаго случая по-

править зло и считаю достойнымъ сожалѣнія. Убѣжденъ, что наступитъ время, когда вы расклетесь въ своей необдуманности».

Исторія подтвердила слова Тьера, не принятыя во вниманіе палатою. Первый законо-проектъ (кредитъ въ 50 миліоновъ) былъ принятъ 245 голосами противъ 10; три другіе проекта (обращеніе на дѣйствительную службу подвижной гвардіи, вербовка волонтеровъ, кредитъ въ 16 миліоновъ на флотъ)—всѣми голосами противъ одного.

Война, слѣдовательно, была рѣшена.

Авторъ не отвергаетъ, что извѣстіе о предстоящей войнѣ произвело большое одушевленіе почти во всѣхъ частяхъ Германіи, и что столкновеніе съ державою, вліяніе которой на Европу раздражало всѣхъ безъ исключенія ибнцевъ, сгладило, невидимому, разбѣденность германскихъ племенъ; но онъ свидѣтельствуетъ, что въ южной Германіи ликваніе не было такъ единодушно, какъ въ сѣверной, и особенно въ Пруссіи, и что тѣ, которые утверждали, будто въ эту минуту не существовало линіи Майна, заходили слишкомъ далеко. Впрочемъ, народъ южно-германскихъ государствъ былъ согласенъ со своими правительствами: убѣжденіе, что дѣло идетъ не объ однихъ прусскихъ, но вообще о германскихъ интересахъ, имѣло послѣдствіемъ то, что какъ на сѣверѣ Гамбургъ, Любекъ и Бременъ, такъ и многіе вюртембергскіе и баварскіе города прислали одобрительные адреса. Даже многіе города Австро-Германіи, и во главѣ ихъ Вѣна, забывъ австрійскіе интересы, выразили телеграфнымъ путемъ сладкую иллюзію, что нѣтъ болѣе Пруссіи, что рѣчь идетъ о защитѣ чисто-германскаго дѣла....

Замѣчая, по поводу извѣстныхъ воззваній короля Вильгельма I къ народу и войску, что въ нихъ видно стремленіе приписать противнику поводъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ, Абани говоритъ: «объективная исторія разоблачитъ со временемъ всю правду; теперь же можно только сказать, что если толчокъ къ войнѣ былъ данъ французскою націей и ея государемъ, то причину войны надобно искать единственно въ прусской политикѣ».

И во всей Франціи господствовала не меньшее одушевленіе; по «стороннему наблюдателю было грустно видѣть, какъ два народа съ одинаковою радостію и охотою приступали къ дѣлу, которое, въ концѣ концовъ, все-таки было убыточно для обѣихъ, особенно для французовъ». Авторъ хорошо объясняетъ это различіемъ между обѣими націями. Французскій народъ подвижнѣе и пламеннѣе нѣмецкаго, по менѣе воспримчивъ къ идеямъ; его могутъ расшевелить, главнымъ образомъ, внушенія, подстрекательства. Въ то время, когда нѣмцы,

въ моментъ одушевленія, руководились практическою цѣлю, осуществленіемъ чрезъ войну германскаго единства, французы пробавлялись любимую свою фразою, и фраза эта была: «борьба за цивилизацію». Конечно, тутъ играла роль и ожесточенная, въ высшей степени, ненависть французовъ къ Пруссіи, очевидный перевѣсъ которой въ Европѣ раздражалъ національное тщесловіе... Преданность и вѣрность, которыми отличается большая часть германскихъ народовъ къ своимъ государямъ, неизвѣстна французамъ, и потому во всей Франціи, несмотря на шумныя проявленія возбужденнаго энтузіазма, обнаруживалась, при началѣ войны и въ первую половину ея, очень умѣренная, чтобы не сказать, вялая дѣятельность, которой, разумѣется, не могли возмѣстить ни чрезвычайное ильіе, ни умолкаемое говореніе. Всѣ слои общества, пренебрегая противникомъ, толковали о вѣроятномъ исходѣ войны, и, соответственно тому, первыя приготовленія къ ней дѣлались поверхностно, будто нехотя, такъ что уже въ этомъ фантѣ, по выраженію генерала Трошю, таились элементы разгрома.

«Характеръ французовъ сравнивали неразъ съ характеромъ женщинъ. «Способность судить и мыслить до крайне ограниченнаго предѣла логическихъ выводовъ; чрезвычайная склонность къ поверхностнымъ впечатлѣніямъ; попользованіе прикрывать фразою послѣдніе результаты дѣйствія, чтобы не сознаться въ неприятной возможности неуспѣха; боязливость, робость, недоумѣніе и столько же быстрый переходъ къ горделивой отвагѣ; похвальба наружными и внутренними преимуществами; чувствительность, недоумѣніе, невѣрность; безрестанное колебаніе между низкимъ эгоизмомъ и геройскимъ самоотверженіемъ, смотря по времени, по впечатлѣнію, по капризу и даже по состоянію желудка; болтливость до тошноты слушателя, и, при всемъ томъ, извѣстнаго рода любезность, обаятельно дѣйствующая на того, къ кому она обращена—таковы черты общія и женщинамъ, и французамъ...»

Въ воззваніи отъ 20-го (8-го) іюля 1870 Луи-Наполеона къ французамъ, выражалась, хотя и вскользь, надежда видѣть на своей сторонѣ южно-германскія государства или, по крайней мѣрѣ, извлечь пользу изъ ихъ нейтралитета; между тѣмъ, извѣстія полученныя о настроеніи этихъ государствъ, равно и новыхъ провинцій Пруссіи, вскорѣ послѣ обнародованія прокламаціи императора, должны были немало смутить его расчеты и превратить радостное воодушевленіе французовъ въ печальное разочарованіе. Кромѣ того, и политика тѣхъ державъ, въ моральной или физической поддержкѣ которыхъ Напо-

леонъ была увѣренъ, не могла не произвести угнетающаго впечатлѣнія. Наконецъ, въ то самое время, когда рѣчь шла преимущественно о томъ, чтобы настроить благопріятно къ французскому дѣлу и французскій народъ, и прочую Европу, газета «Times» неожиданно обнародовала—Абани увѣрять, что это было сдѣлано по внушенію Бисмарка—проектъ трактата, предложенный Луи-Наполеономъ королю Вильгельму, въ силу котораго Пруссія, за присоединеніе южной Германіи къ Северо-германскому Союзу, объявлялась не противиться включенію Луксембурга въ предѣлы Франціи и поддерживать завоеваніе Бельгіи... Мало того: спустя нѣсколько дней, разоблачены были предложенія Франціи, сдѣланныя еще въ маѣ 1866 года, выставить 300,000 человекъ для войны съ Австріей, и къ довершенію всего напечатанъ былъ даже тайный договоръ, по которому Наполеонъ пытался войти въ сдѣлку съ Пруссіей на счетъ Баваріи и при-рейнскаго Гессена...

Чтобы придать этимъ публикаціямъ официальную силу, Бисмаркъ разослалъ отъ 29-го (17-го) іюля циркулярную депешу, заключивъ ее слѣдующими словами:

«Я полагаю, что окончательное убѣжденіе въ невозможности достигнуть съ нами расширенія границъ Франціи, побудило императора сдѣлать это *противъ насъ*. Я имѣю даже поводъ думать, что если бы названные документы не были обнародованы, то, по окончаніи французскихъ и нашихъ вооруженій, Франція предложила бы намъ, ставъ вмѣстѣ въ главѣ миліона воиновъ противъ невооруженной тогда Европы, осуществить представленныя намъ прежде проекты, т. е. до или послѣ перваго сраженія заключить миръ на счетъ Бельгіи...»

...«А мы полагаемъ»—говоритъ Абани—«что, въ этомъ случаѣ, многоумный государственный мужъ Бисмаркъ уловилъ французскаго императора въ его собственныхъ сѣтяхъ. Кто знаетъ, позидійши разоблаченія не разъяснить-ли тайны этого дѣла? Кто знаетъ, предложеніе не было-ли вызвано съ тою цѣлю, чтобы впоследствии употребить его, какъ годное орудіе...? Герцогъ Грамонъ, въ своихъ циркулярныхъ депешахъ, предназначенныхъ ослабить тяжелое впечатлѣніе всѣхъ разоблаченій, объявилъ, что дѣйствительнымъ зачинщикомъ и подстрекателемъ былъ самъ графъ Бисмаркъ, продиктовавшій французскому послу эти черныя замыслы... Несомнѣнно то, что міру предстоитъ на выборъ: признать утонченнымъ лжецомъ или графа Бисмарка, или герцога Грамона. Примодушному же гражданину, которому чужды подобныя политическія квини, и при ограниченнѣхъ отношеніяхъ котораго обманъ и ложь встрѣчаются въ гораздо болѣе

ограниченныхъ размѣрахъ, становится грустно, когда подобное сслѣтеніе жи случайно разоблачается предъ его глазами».

Такъ ли, иначе ли, только Бисмаркъ достигъ своей цѣли. Общественное мнѣніе въ Англіи, по крайней мѣрѣ въ представителяхъ ея печати, обратилось теперь почти единогласно противъ императора французскѣ; нѣмцы въ Австріи, узнавъ откуда грозила имъ опасность, тѣмъ усердіемъ примкнули къ національному движенію Германіи. Но какъ ни была вѣроятна эта новая выходка Бисмарка на настроеніе нейтральныхъ державъ, на умы французскѣ она произвела слабое дѣйствіе... Въ день объявленія войны, Луи-Наполеонъ приказалъ играть въ тильдерійскомъ саду «марсельезу». — «Кто разгадаетъ», спрашиваетъ авторъ, «гдѣ въ народѣ, готовящемся къ войнѣ, начинается исходящее изъ дѣла воодушевленіе и гдѣ оканчивается искусная работа?... Въ послѣднемъ смыслѣ, обѣ стороны сдѣлали все возможное. Если же нѣмецкія газеты представляли изъясненія тогдашнихъ чувствъ французскаго народа единственно крикомъ гоменовъ, то онѣ говорили неправду и были наказаны за ложь мужественною стойкостью этого народа послѣ понесенныхъ имъ жесточайшихъ ударовъ. Современная война подрываетъ все отношенія и вредитъ государственной жизни особенно тамъ, гдѣ неестественное на одномъ пунктѣ столкновеніе грозитъ жизни большихъ человѣческихъ массъ. И потому понятно, что такіе дальновидные люди, какъ Луи-Наполеонъ и Бисмаркъ, раздували пламя, чтобы заручиться тѣми возбужденіями, которыя необходимы для энергическаго осуществленія военныхъ дѣйствій. Возвышеніе «марсельезы» на степень официальной боевой пѣсни было мастерскою выходкою Наполеона.

Извѣстно, что Наполеонъ, предъ отъѣздомъ въ Мецъ, гдѣ была назначена его главная квартира, передалъ регентство супругѣ своей Евгеніи; но въ декретъ объ этомъ включена была статья, которая существенно ограничивала права императрицы и предоставляла ей утвержденіе только тѣхъ законовъ, которые предложены были законодательному собранію въ самый моментъ отъѣзда. Такое ограниченіе объясняли опасеніями Наполеона, чтобы императрица, по своимъ эврикальнымъ наклонностямъ, не противодействовала его навлреніямъ. Авторъ считаетъ болѣе вѣроятнымъ, что, вида опасное положеніе дѣлъ, императоръ хотѣлъ парализовать вліяніе оппозиціонныхъ партій относительно уступчивости Евгеніи.

Не мѣшаетъ вспомнить здѣсь ту риторическую, рассчитанную на эффектъ, прокламацію, съ которою Луи-Наполеонъ обратился къ своей арміи, по пріѣздѣ въ Мецъ:

«Солдаты!

«Принимаю надъ вами главное начальство, чтобы защитить честь и почву отечества. Противъ васъ стоитъ одна изъ лучшихъ армій Европы, но ваша храбрость побѣждала другія арміи, не уступавшія въ достоинствѣ этой. Такъ будетъ и теперь.

«Война, намъ предстоящая, будетъ продолжительна и стоитъ тяжелыхъ трудовъ, потому что театромъ ея будутъ страны, преизобилующія препятствіями и крѣпостями. Но что можетъ поколебать непоколебимыя усилія солдатъ Африки, войскъ сражавшихся въ Китаѣ, Италіи и Мексикѣ?

«Вы докажете еще разъ, на что способна французская армія, одушевленная чувствами долга, отличающаяся желѣзною дисциплиною, пламенной любовью къ отечеству.

«Какимъ бы путемъ мы ни пошли внѣ нашихъ границъ, мы найдемъ слѣды нашихъ славныхъ отцовъ и будемъ ихъ достойны.

«Вся Франція занутствуетъ васъ самыми горячими пожеланіями и вселенная устремляетъ на васъ взоры! Отъ вашихъ усилій зависитъ судьба свободы и цивилизаціи.

«Солдаты! Пусть каждый изъ васъ исполнитъ свой долгъ, и Богъ воинствъ пребудетъ съ нами».

Абани говорятъ, что исходъ войны «придалъ комическій оттѣнокъ этой прокламаціи», тогда какъ скромныя воззванія прусскаго короля «получили торжественный и величавый характеръ». Въ самомъ дѣлѣ, помимо надменно-хвастливаго тона императора французскѣ, не сажли ли похвалы его жалкими экспедиціями китайскою и мексиканскою?... А впрочемъ онъ зналъ своихъ французскѣ и врядъ-ли могъ говорить съ ними иначе.